

БЕСТСЕЛЛЕРЫ
САБЫ ТАХИР

САБА ТАХИР

ФАКЕЛ
В НОЧИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)44
Т24

Sabaa Tahir

A TORCH AGAINST THE NIGHT

*Печатается с разрешения литературного агентства
ISM Partners.*

Дизайн обложки Екатерины Климовой

Тахир, Саба.

Т24 Факел в ночи: [роман] / Саба Тахир; пер. с англ. Е. Шолоховой. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 448 с. — (Бестселлеры Сабы Тахир).

ISBN 978-5-17-147300-6

Империя важнее всего — важнее твоих желаний, дружбы, любви. Любой бунт карается смертью. Если ты не хранишь верность Императору, тебя и твою семью казнят. Таков беспощадный мир, где живет Лайя. Ее старшего брата арестовали за измену и, чтобы спасти его, она проникает в Военную академию Империи. Элиас — один из лучших солдат академии, но втайне он мечтает о другой жизни, о свободе. Когда пути Лайи и Элиаса пересекаются, они понимают, что связаны судьбой. Выбор, который они сделают, изменит будущее всей Империи. Теперь им предстоит долгий и опасный путь, чтобы добраться до Кауфа — самой страшной тюрьмы Империи, и выволить оттуда брата Лайи. Они готовы противостоять целому миру и даже старому другу, который связан узами клятвы и должен исполнить волю императора Маркуса — поймать Элиаса и казнить его.

**УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)44**

Copyright © 2015 Sabaa Tahir
© Е.Шолохова, перевод на русский язык
Cover based on artwork created by Micaela Alcaino
© ООО «Издательство АСТ», 2022

ISBN 978-5-17-147300-6

*Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым*

*Для широкого круга читателей
Оқырмандардың кең ауқымына арналған*

Серия: БЕСТСЕЛЛЕРЫ САБЫ ТАХИР

Саба Тахир
ФАКЕЛ В НОЧИ

Заведующий редакцией *Сергей Тишков*
Ответственный редактор *Мария Рожнова*
Технический редактор *Татьяна Тимошина*
Корректоры *Лидия Воробьева* и *Марина Фирстова*
Верстка *Анны Пучковой*

Подписано в печать 28.01.2022. Формат 84×108/32
Печать офсетная. Гарнитура OriginalGaramond BT.
Бумага типографская. Усл. печ. л. 23,52
Тираж 2500 экз. Заказ №

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2022 г.
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085, Российская Федерация, Москва, Звёздный бульвар,
д. 21, стр. 3, ком. 705, пом. 1, этаж 7
Наш электронный адрес: ask@ast.ru
Интернет-магазин: book24.ru

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 - книги, брошюры печатные

Өндіруші: ЖШҚ «АСТ баспасы»
129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс,
705-бөлме, 1 жай, 7-кабат

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru, E-mail: ask@ast.ru
Интернет-магазин: www.book24.kz, Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию
в республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92. Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Тауар белгісі: «АСТ Өндірілген жылы: 2022
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Өндірген мемлекет: Ресей

Мы в социальных сетях. Присоединяйтесь!
https://vk.com/ast_mainstream
https://www.instagram.com/ast_mainstream
<https://www.facebook.com/astmainstream>

ЧАСТЬ I
БЕГСТВО

1: Лайя

Как им удалось так быстро найти нас? Гневные окрики и лязг металла летели нам вслед и разносились эхом по катакомбам. Глядя на жуткие оскалы черепов, выложенных рядами вдоль стен, я, казалось, слышала голоса мертвых.

«Быстрее, — как будто шептали они. — Если не желаешь разделить нашу участь».

— Быстрее, Лайя, — торопил Элиас, бежавший впереди. Его броня поблескивала в тусклом свете катакомб. — Если поспешим, сумеем от них уйти. Я знаю туннель, который выведет нас в город. Успеем туда попасть — будем в безопасности.

Сзади раздался скрип, Элиас быстро посмотрел за мое плечо, и рука, отливавшая бронзовым загаром, тотчас потянулась к висевшему за спиной мечу. В таком простом движении таилось столько опасности. Это напомнило, что он не просто мой провожатый. Он — Элиас Витуриус, наследник одной из самых знатных семей. Бывший маска, то есть один из лучших солдат Империи. И он — мой союзник, единственный, кто может вызволить моего брата Дарина из печально известной тюрьмы меченосцев.

Всего один шаг — и Элиас оказался рядом со мной. Еще шаг — и он уже впереди. Его движения были исполнены поразительного изящества, несмотря на высокий рост и мощные мышцы. Мы оглянулись на туннель, которым только что прошли. В ушах барабанной дробью стучал пульс. От запала, охватившего меня после разрушения Академии Блэклиф и спасения Элиаса, не осталось и следа. Империя преследовала нас. Если нас поймают, мы погибем.

Пот насквозь пропитал рубашку, но, несмотря на удушающую жару катакомб, по коже пробежал холодок и волоски на затылке встали дыбом. Мне послышалось рычание неведомого, но опасного и голодного существа.

«Беги, — кричало мне чутье. — Выберишься отсюда скорее».

— Элиас, — прошептала я, но он прижал палец к моим губам.

— Ш-ш-ш.

Затем вынул один из шести нагрудных ножей. Я достала из-за пояса кинжал и напрягла слух, пытаюсь разобрать что-нибудь помимо стрекота тарантулов и собственного дыхания. Тревожное ощущение, что за нами наблюдают, исчезло. Но теперь до нас доносились запахи смолы и огня, что стократ хуже. Послышались голоса, которые приближались с каждой минутой.

Солдаты Империи.

Элиас тронул меня за плечо и указал на свои ноги, затем на мои. *Иди по моим следам.* Затем развернулся и быстро пошел прочь. Осторожно, почти не дыша, я следовала за ним. Мы добрались до развилки и свернули направо. Элиас скользнул в глубокое, высотой до плеч, отверстие в стене: там не было ничего, кроме огромного каменного гроба.

— Забирайся внутрь, — прошептал он, — до самого конца.

Я юркнула в склеп и тут же услышала скрип тарантула — здешнего обитателя. Меня охватила дрожь, рукоять меча, висевшего за спиной, громко застучала о камни. Я постаралась взять себя в руки. *Не суетись, Лайя, кто бы тут ни ползал — это мелочи.*

Элиас нырнул следом за мной, с его ростом ему пришлось согнуться в три погибели. В тесном склепе наши руки соприкасались. Дыхание Элиаса стало порывистым, но когда я взглянула на него, он смотрел в сторону туннеля. Даже в тусклом свете серые глаза и жесткие линии его лица, к которому я еще не успела привыкнуть, поражали меня до глубины души. Всего час назад, когда мы убегали из разрушенного моими стараниями Блэклифа, его черты скрывала серебряная маска.

Наклонив голову, он напряженно слушал приближающиеся шаги солдат. Они шли быстро, их голоса отдавались

эхом в каменных коридорах катакомб, напоминая крики хищных птиц.

— ...Возможно, он пошел на юг. Если у него осталась хоть крупица разума...

— Если б у него осталась хоть крупица разума, — отозвался второй солдат, — он прошел бы Четвертое Испытание и стал Императором, а нам не пришлось бы присягать на верность этому плебею.

Солдаты свернули в наш туннель, один из них осветил фонарем соседний склеп.

— Черт! — отскочил он, заглянув внутрь.

Следующим был наш склеп. Внутри у меня все сжалось, рука, обхватившая кинжал, дрожала. Элиас вынул из ножен еще один кинжал. Плечи его расслабились, и ножи он держал свободно, но затем я увидела, как нахмурены его брови и сжата челюсть, и сердце защемило. Поймав взгляд Элиаса, я на миг увидела его терзания. Он не хотел убивать этих людей.

Однако если они найдут нас, то поднимут тревогу, на их призыв сбегутся охранники, и вскоре солдаты Империи заполнят весь туннель. Я ободряюще сжала руку Элиаса. Он натянул капюшон и прикрыл лицо черным платком.

Тяжело ступая, солдат подходил все ближе. Я уже чувствовала его запах — запах пота, стали и грязи. Элиас крепче обхватил рукоять ножа. Он весь подобрался, точно дикая кошка перед прыжком. Я коснулась браслета — маминого подарка. Обводя пальцами знакомый узор, я успокаивалась.

Луч фонаря мазнул по краю склепа, солдат поднял его... Вдруг в дальнем конце туннеля раздался глухой удар. Солдаты развернулись и, оголив клинки, побежали на шум выяснять, что случилось. Спустя несколько секунд свет фонарей померк. Звук шагов постепенно стих.

Элиас тяжело выдохнул.

— Пойдем, — позвал он. — Если патруль осматривает территорию, то будут и другие. Нам надо найти выход наружу.

Едва мы выбрались из склепа, как стены туннеля задрожали. Черепа посыпались на пол, подняв облако вековой пыли. Я споткнулась, Элиас удержал меня за плечо и притиснул к стене. Сам прижался рядом. Склеп остался цел, но по потолку туннеля поползли зловещие трещины.

— Что, ради всего святого, это было?

— Похоже на землетрясение. — Элиас шагнул вперед и посмотрел наверх. — Вот только в Серре не бывает землетрясений.

Теперь мы шли еще быстрее. Каждую секунду я ожидала услышать шаги и голоса охранников, увидеть вдали огни факелов.

Элиас внезапно остановился, и я влетела в его широкую спину. Мы оказались в круглом погребальном зале с низким куполообразным сводом. Впереди туннель разветвлялся надвое. В одном из коридоров в отдалении мерцали факелы, правда, слишком далеко, чтобы хоть что-нибудь различить. В стенах зала были выдолблены склепы, каждый из которых охраняла каменная статуя воина, облаченного в доспехи. Черепа, увенчанные шлемами, глядя на нас, зияли пустыми глазницами. Я содрогнулась и шагнула к Элиасу. Но он не смотрел ни на склепы, ни на туннели, ни на факелы вдалеке. Он не сводил глаз с маленькой девочки, стоявшей в середине зала. Одетая в лохмотья, она прижимала руку к кровоточащей ране на боку. Я успела заметить изящные черты, присущие книжникам, но когда попыталась заглянуть ей в глаза, девочка опустила голову, и пряди черных волос упали на лицо. *Бедняжка*. Слезы оставили на грязных щеках две дорожки.

— Тысяча чертей, здесь становится людно, — пробормотал Элиас.

Он шагнул к девочке, протягивая руки, как будто стараясь успокоить испуганное животное.

— Ты не должна тут находиться, милая. — Голос его звучал ласково. — Ты одна?

Она коротко всхлипнула.

— Помоги мне, — прошептала она.

— Давай я посмотрю твою рану. Перевяжу ее.

Элиас опустился на одно колено и оказался с ней на одном уровне. Так делал и мой дедушка, когда занимался самыми маленькими пациентами. Но девочка увернулась от него и посмотрела на меня. Я шагнула к ней, инстинктивно чувствуя, что надо быть осторожной. Девочка наблюдала.

— Ты можешь назвать свое имя, малышка? — спросила я.

— Помоги мне, — повторила она, явно избегая смотреть в глаза, отчего возникало какое-то странное чувство, а по спине пробежали мурашки.

Скорее всего, она видела немало плохого от солдат Империи, и сейчас столкнулась лицом к лицу с вооруженным до зубов меченосцем. Конечно, она напугана. Девочка отошла на шаг, и я посмотрела на освещенный факелами туннель. Раз он освещен, то это территория Империи. А значит, всего лишь вопрос времени, когда появятся солдаты.

— Элиас, — я кивнула на факелы, — мы не можем ждать. Солдаты...

— Мы не можем бросить ее здесь.

Очевидно, его терзало чувство вины. Гибель друзей во время Третьего Испытания тяжким бременем давила на него, и ему не хотелось, чтобы умер кто-то еще. А так оно и случится, если мы оставим здесь раненую девочку.

— У тебя есть семья в городе? — спросил ее Элиас. — Тебе нужно...

— Серебро. — Она подняла голову. — Мне нужно серебро.

Элиас явно удивился. Я и сама не ожидала такого ответа.

— Серебро? — переспросила я. — Мы не...

— Серебро. — Она двигалась боком, как краб. Мне показалось, что сквозь пряди волос блеснули ее глаза. Странно. — Монеты. Оружие. Украшения.

Она посмотрела на мою шею, уши, запястья. Этим взглядом она себя и выдала. Я увидела черные как смола

бездны вместо глаз и схватилась за кинжал. Но Элиас уже встал впереди меня, обнажив блестящий клинок.

— А ну прочь, — грозно велел он, в мгновение ока преобразившись в истинного маску.

— Помогите мне. — Девочка наклонила голову, и волосы снова упали на лицо. Она завела руки за спину, представ искаженной карикатурой на ребенка. — Помогите.

Заметив мое отвращение, она изогнула губы в усмешке, которая никак не вязалась с милым детским личиком. А затем издала гортанный рык — этот звук я уже слышала раньше, когда чувствовала чье-то незримое присутствие в туннеле. Когда чувствовала, как кто-то наблюдает за нами.

— Я знаю, у вас есть серебро. — В детском голосе существа сквозила неукротимая жадность. — Отдайте его мне. Мне оно нужно.

— Пошла прочь, — велел Элиас, — пока я не снес тебе голову.

Девочка — или то, чем она на самом деле являлась — пропустила мимо ушей его слова и вперилась в меня взглядом.

— Тебе оно не нужно, маленький человек. А я дам тебе кое-что взамен. Кое-что чудесное.

— Что же? — прошептала я.

Она вскинула руки, которые лучились странным зеленоватым светом. Элиас бросился к ней, но она увернулась и поймала меня за запястье. Я вскрикнула, и на короткий миг моя рука озарилась тем же сиянием. Я не удержалась на ногах и упала в грязь, а девочка с криком отшатнулась, держась за руку, как будто ее жгло огнем. Элиас поднял меня на ноги и в ту же секунду сделал выпад кинжалом, метя в девочку, которая все еще кричала, но та снова увернулась.

— Хитрая девчонка! — Когда Элиас опять бросился на нее, она отскочила в сторону, не сводя с меня взгляда. — Хитрюга! Спрашиваешь, кто я, а сама-то ты кто?

Элиас кинулся на нее, скользнув лезвием по шее. Но девочка оказалась проворнее.

— Убийца! — вертелась она вокруг него. — Душегуб! Ты сама смерть! Жнец человеческих душ! Если б твои грехи превратились в кровь, ты бы утонул в реке своих злодеяний.

Элиас отшатнулся, потрясенный. В туннеле появились мерцающие огоньки факелов. Три из них довольно быстро приближались к нам.

— Идут солдаты. — Существо повернулось ко мне: — Я убью их для тебя, девушка с медовыми глазами. Вскрою им горло. Я уже увела других ваших преследователей обратно в туннель. И сделаю это снова. Если отдашь мне серебро. Он его желает. Если мы принесем ему серебро, он наградит вас.

Святые небеса, кто это — он? Но я не стала ее спрашивать, а занесла кинжал в ответ.

— Глупые люди! — Девочка сжала кулаки. — Он все равно заберет его у тебя. Он придумает, как это сделать. — Затем она повернулась к туннелю и закричала: — Элиас Витуриус!

Я вздрогнула. Крик был таким громким, что его услышали, наверное, в самом Антиуме.

— Элиас Виту...

Она смолкла на полуслове, когда Элиас пронзил мечом ее сердце.

— *Ифриты, ифриты пещер позабытых*, — напел он. Тело соскользнуло с клинка и упало на пол с твердым стуком, точно камень. — *Для них темнота прибежищем стала. Они любят мглу, но боятся кинжала.* Старинный стишок. — Он убрал меч в ножны. — До недавнего времени я даже не подозревал, что он может пригодиться.

Элиас взял меня за руку, и мы побежали в неосвещенный туннель. Может быть, солдаты чудом не слышали крика девочки? Может быть, они не увидели нас? *Может быть, может быть...* Но нет, нам не повезло. Я услышала крики и топот за спиной.

2: Элиас

Три наемника и четыре легионера отставали от нас всего на пятнадцать ярдов. Немного пробежав, я снова оглянулся — теперь за нами гнались шесть наемников и пять легионеров, сократив расстояние до двенадцати ярдов. И с каждой секундой в катакомбах становилось все больше и больше солдат Империи.

Весть о том, что Элиас Витуриус замечен в катакомбах, наверняка уже облетела всю Серру — сначала гонец передал сообщение патрулям, затем за дело взялись барабаны. Все эскадроны подняты по тревоге. Солдатам нет нужды проверять, что это я, они будут преследовать нас в любом случае.

Я резко повернул налево, в боковой туннель, утягивая за собой Лайю. В голове лихорадочно скакали мысли: «Оторвись от них, пока еще возможно. Иначе...» «Нет, — нашептывала часть моей души, солдат-маска. — Остановись и убей их. Их всего одиннадцать. Это проще простого. Ты справишься с ними с закрытыми глазами».

Я должен был сразу убить ифрита в погребальном зале. Узнай Элен о том, как я не сумел распознать, что за существо передо мной, да еще и пытался ему помочь, вот уж она бы посмеялась.

Элен. Я мог поклясться своим клинком, что ее сейчас допрашивают. Маркус, или же Император Маркус, как теперь его называют, отдал ей приказ казнить меня, а она не сумела. И хуже всего то, что все четырнадцать лет она была моим ближайшим другом. Оба этих обстоятельства в его глазах непростительный грех, который не может остаться безнаказанным. Тем более сейчас, когда в руках Маркуса безграничная власть. Он заставит Элен страдать. В памяти всплыли слова ифрита: «Жнец человеческих душ». И тотчас потянулись вереницей воспоминания: Третье Испытание, гибель Тристаса, сраженного клинком Декса, смерть Деметриуса и Леандра...

Впереди раздался крик, и я пришел в чувство. *Поле боя — мой храм. В самый нужный момент вспомнилась старая мантра моего деда. Меч — мой настыр. Танец смерти — моя молитва. Смертельный удар — мое освобождение.*

Рядом, тяжело дыша, бежала Лайя. Она задерживала меня. «Ты можешь ее бросить, — шепнул коварный голосок. — Один ты будешь двигаться намного быстрее». Я подавил соблазн в зародыше. Даже если забыть данное мною слово — помогать ей в обмен на свободу, она, я знал, делает все, что угодно, чтобы попасть в Кауф, к брату, даже если добираться туда придется в одиночку.

Но тогда ей попросту не жить.

— Быстрее, Лайя, — поторопил я. — Они слишком близко.

Она припустила вперед. Стены, выложенные черепами, кости, склепы, оплетенные паутинами, остались позади. Мы оказались гораздо южнее, чем нужно. Мы давно прошли прорытый мною в попытке бегства туннель, где я прятал припасы, которые послужили бы нам не одну неделю.

Стены катакомб с грохотом содрогнулись, заставляя нас обоих пригнуться как можно ниже. Запахи огня и смерти сочились сквозь канализационную решетку, расположенную прямо над нами. В следующий миг сильный взрыв сотряс воздух. Я даже думать не стал о том, что это могло быть. Главное, что солдаты, преследовавшие нас, приостановились, опасаясь, что туннель может рухнуть. Я воспользовался моментом и увеличил разрыв между нами еще на несколько десятков ярдов. Затем свернул в боковой туннель и нырнул в глубокую тень наполовину обвалившейся ниши.

— Они нас найдут, как думаешь? — прошептала Лайя.

— Надеюсь, не...

Там, куда мы направлялись, вдруг вспыхнул свет, и я услышал топот тяжелых сапог. Два солдата ворвались в туннель, освещая нас факелами. В первый миг они замешкались, возможно, сбитые с толку тем, что со мной

Лайя, или тем, что на мне нет маски. Потом они увидели мои доспехи и оружие, и один из них пронзительно свистнул, призывая на подмогу всех и каждого.

Мое тело начало действовать как будто само по себе. Солдаты не успели и мечи из ножен вынуть, как метательные ножи вонзились им точно в горло. Они осели, не издав ни звука, лишь факелы зашипели, упав на сырой пол катакомб.

Лайя вышла из ниши, зажав рот рукой.

— Э... Элиас...

Я ринулся назад в нишу, утягивая ее за собой и пряча мечи в ножны.

— Я выведу нас отсюда так, как умею, — сказал я. — Не мешай мне. Как бы ужасно все ни выглядело, не вмешивайся и не пытайся помочь.

Едва последние слова слетели с губ, как из туннеля показались солдаты, что гнались за нами. Нас разделяло всего пять ярдов. Четыре... В мыслях я уже метнул ножи и сразил всех наповал. Я выскочил из укрытия и выпустил ножи. Первые четыре легионера упали тихо, один за другим, словно скошенные колосья. Пятый рухнул, сраженный мечом. Брызнула теплая кровь, и я ощутил прилив горечи. *Не думать. Не останавливаться. Просто освобождай путь.*

Вслед за пятым появилось еще шестеро наемников. Один прыгнул мне на спину, я сбросил его, ударив локтем в лицо. Второй солдат в это же время подобрался к моим ногам, но получил сапогом в зубы и взвыл, держась за сломанный нос и окровавленный рот. *Разворот, удар ногой, шаг в сторону, еще удар.*

За спиной вскрикнула Лайя. Один из наемников выволок ее за шею из темной ниши и приставил нож к горлу, но тут же испустил вопль — Лайя ударила его в бок кинжалом, затем выдернула лезвие, и он, покачнувшись, упал.

Я повернулся к последним трем солдатам. Они убегали.

Лайя, дрожа, оглядывала бойню вокруг нас. Семь человек мертвы. Двое раненых еще стонали и пытались подняться. Затем она посмотрела на меня, и глаза ее в ужасе

округлились при виде крови на мечах и доспехах. Меня охватил стыд, жгучий, нестерпимый, от которого сквозь землю хотелось провалиться. Вот она и увидела мою сущность во всем ее неприглядном свете. *Убийца! Жнец человеческих душ!*

— Лайя... — начал я, но тут по туннелю прокатился гул и треск, и земля задрожала. Через канализационные решетки я услышал крики и вопли, а затем оглушительный грохот взрыва.

— Тысяча чертей, что происходит...

— Это Ополчение книжников, — прокричала сквозь шум Лайя. — Они восстали!

Я не успел спросить, откуда ей известны такие интересные новости, потому что слева туннель озарила сигнальная вспышка.

— Святые небеса, Элиас! — потрясенно промолвила Лайя, широко распахнув глаза.

Слева к нам приближались двое. Оба — маски. Один огромный, старше меня лет на десять. Мне он был незнаком. А рядом — невысокая, почти миниатюрная фигурка. Несмотря на то что ее серебряное лицо казалось абсолютно спокойным, она источала ледяную ярость. Моя мать. Комендант.

Справа доносился топот сапог, на который, как и на свист, сбегались другие солдаты. Мы попали в ловушку. По туннелю вновь прокатился гул.

— Спрячься за моей спиной, — крикнул я Лайе. Она не услышала. — Лайя, черт возьми... о-о-х...

Лайя вдруг пригнулась и прыгнула, толкнув меня в живот с таким отчаянием и силой, что я не удержался на ногах и повалился в один из склепов, вырубленных в стене. Разорвав густую паутину, опутавшую склеп, я упал спиной в каменный гроб. Лайя частично лежала на мне, частично ее зажало между стеной и гробом.

Неожиданное падение, склеп, увитый паутиной, близость девушки, толкнувшей меня, — все вместе едва не лишило меня дара речи.

— Ты с ума...

БАХ!!! Там, где мы только что стояли, буквально в один миг обрушился потолок — с жутким грохотом, которому вторили раскаты взрывов, сотрясающих город. Я подмял Лайю под себя, закрыв ее голову руками. Склеп спас нам жизнь. Мы кашляли, задыхаясь от пыли, поднятой взрывом, и я отчетливо понимал, что если бы не Лайя, мы бы уже были мертвы.

Грохот утих, и сквозь густую завесу пыли прорезались лучи солнечного света. Из города доносились крики. Я осторожно поднялся и выглянул из склепа, выход из которого наполовину завалило камнями. Обрушение прекратилось, но от туннеля уже мало что осталось.

Убедившись, что ни одной маски поблизости не видно, я выкарабкался из склепа, вытаскивая через груды обломков и Лайю, которая все еще не могла прокашляться. Ее лицо было покрыто пылью и пятнами крови — чужой, я проверил. Она потянулась за флягой, и я помог поднести горлышко к губам. Сделав несколько глотков, она встала.

— Я могу... могу идти сама.

Слева от нас туннель завалило почти полностью, но чья-то рука в бронированной перчатке расчищала путь, отшвыривая камни в сторону. Сквозь пыль в образовавшуюся щель виднелись серые глаза и светлые волосы Коменданта.

— Идем.

Мы выбрались из разрушенных катакомб, попав в сутолоку и разногласицу серранских улиц. Тысяча чертей!

Никто, похоже, и не заметил обрушения — все внимание было приковано к взвившемуся в жаркое синее небо огненному столбу: особняк губернатора полыхал, как варварский погребальный костер. На огромной площади перед почерневшими воротами развернулся яростный бой: сотни повстанцев-книжников, одетых в черное, сражались с несколькими десятками меченосцев.

— Туда! — Я устремился в противоположную от особняка губернатора сторону, по пути сбив с ног двух по-

встанцев. Я собирался перебежать на соседнюю улицу, но огонь уже добрался и туда, распространяясь слишком быстро. Земля была сплошь устлана телами погибших. Взяв Лайю за руку, я помчался в другой конец улицы, но и там бушевали огонь и смерть.

Сквозь лязг оружия, крики и рев пожарища с башен Серры доносился тревожный бой барабанов, требующий срочного подкрепления в Оружейный квартал, а также в кварталы патрициев и чужестранцев. Одна из башен оглашала округу барабанным боем, оповещавшим о моем местонахождении — рядом с особняком губернатора — и призывавшим все силы примкнуть к погоне.

Сразу за особняком из груды обломков рухнувшего туннеля показалась светловолосая голова. Проклятье. Мы стояли посреди площади, рядом с подернутым пеплом фонтаном, в центре которого возвышалась скульптура вставшей на дыбы лошади. Я подтолкнул Лайю к фонтану, лихорадочно соображая, куда нам бежать, пока Комендант или какой-нибудь меченосец нас не заметил. Но, казалось, каждый дом, каждая улица рядом с площадью были охвачены огнем.

Ищи быстрее! В любой момент Комендант может броситься в бой и с ее-то мастерством буквально прополет себе мечом дорогу, чтобы схватить нас.

Я оглянулся. Она как ни в чем не бывало стряхивала с доспехов пыль, не обращая никакого внимания на хаос, царивший вокруг. От ее безмятежности волосы становились дыбом. Академия разрушена, ее сын сбежал, в городе творится настоящее бедствие. И все же она поразительно спокойна.

— Туда! — Лайя схватила меня за руку и указала на перевернутую телегу купца, за которой виднелся переулочек. Пригнувшись, мы побежали в ту сторону, и я возблагодарил небеса за суматоху, в которой ни книжники, ни меченосцы нас не заметили. Спустя пару минут мы добрались до переулочка.

Перед тем как свернуть, я снова оглянулся, желая убедиться, что Комендант нас не увидела. Скользнул взглядом

по горстке повстанцев, бьющихся с двумя легионерами, и воину в маске, отбивавшемуся сразу от нескольких борцов Ополчения. Вот оно — то место, где стояла моя мать среди обломков рухнувшего туннеля. Старый раб-книжник, пытающийся найти укрытие, пересек ей путь. Роковая ошибка. С небрежной жестокостью она вонзила меч старику прямо в сердце. Она даже не взглянула на него — смотрела на меня. Ее взгляд тянулся ко мне через всю площадь, словно невидимая нить, которой мы были связаны. Казалось, она знала каждую мою мысль.

Она улыбалась.

3: Лайя

Бледные как черви губы Коменданта изогнулись в улыбке. Хотя я увидела ее всего на миг, прежде чем Элиас увел меня подальше от площади, где кровь лилась рекой, но и этого мгновения хватило, чтобы лишиться дара речи. Ноги мои еле двигались, а туфли все еще были забрызганы кровью после стычки в туннеле. Я невольно содрогнулась, вспомнив, сколько ненависти к самому себе увидела тогда в глазах Элиаса. Мне хотелось сказать, что ему пришлось так поступить ради нашего спасения, но я не могла вымолвить ни слова, как ни пыталась.

Крики страдания наполнили воздух. Голоса меченосцев и книжников, детей и взрослых слились в одном горестном вое. Но я едва его слышала, изо всех сил стараясь не попасть под дождь из осколков стекла и обломков горящих домов. Несколько раз я оглянулась, опасаясь, что Комендант гонится следом и вот-вот нас настигнет. Я чувствовала себя той девчонкой, какой была месяц назад. Девчонкой, которая бросила своего брата, позволив Империи схватить его. Девчонкой, которая стонала и рыдала после каждой порки. Девчонкой, у которой нет мужества.

«Когда тебя охватит страх, борись с ним и победишь, потому что твой дух и твое сердце сильнее». Эти слова сказал мне вчера кузнец Спирос Телуман, друг и наставник моего брата. Я попыталась извлечь из страха пользу. Комендант тоже может ошибаться. Она могла даже меня не увидеть — глаз не сводила со своего сына. Однажды я сбежала от нее. Убегу и снова. Меня снова охватил былой запал, но когда мы свернули на соседнюю улицу, я упала, споткнувшись о небольшую грудку камней, рассыпанных по черной от сажи мостовой. Элиас подхватил меня и поднял легко, как пушинку. Затем внимательно посмотрел вперед, оглянулся, проверил окна и крыши близлежащих домов, как будто ожидал появления своей матери в любую секунду.

— Нам надо идти дальше, — потянула я его за руку. — Надо выбраться из города.

— Знаю. — Элиас привел меня в пыльный, запущенный сад, огороженный стеной. — Но у нас ничего не выйдет, если мы выбьемся из сил. Минута отдыха не повредит.

Он сел, и я нехотя опустилась рядом с ним на колени. Воздух Серры казался отравленным, чужим. Удушающая гарь смешивалась с запахом крови, горелой плоти и обнаженной стали.

— Как мы доберемся до Кауфа, Элиас? — Этот вопрос не давал мне покоя с тех пор, как мы покинули Блэкклиф и спустились в туннель. Мой брат позволил солдатам-меченосцам взять себя, чтобы я смогла сбежать. Я не дам ему умереть, не приму такую жертву — он единственный родной человек, который у меня остался в этой проклятой Империи. Если я не спасу его, то никто не спасет. — Какой у нас план? Затеряться в стране?

Элиас твердо посмотрел на меня. Серые глаза его оставались непроницаемы.

— Тот туннель вывел бы нас в западную часть города, — сказал он. — Мы бы прошли через горный перевал на север, ограбили караван кочевников и притворились бы торговцами. Меченосцы искали бы меня одного, не зная, что нас двое, и они не пошли бы на север. Но теперь... — Он пожал плечами.

— Что это значит? У тебя есть план?

— Да. Мы выбираемся из города. Уходим от Коменданта. Это единственное, что сейчас важно.

— А что потом?

— Всему свое время, Лайя. Не забывай — мы имеем дело с моей матерью.

— Я не боюсь ее, — запальчиво ответила я. Пусть он не думает, что я все та же тихоня, которую он встретил в Блэкклифе несколько недель назад. — Больше не боюсь.

— Надо бояться, — сухо возразил Элиас.

Кругом били барабаны. Их бой точно канонада сотрясал тело до самых костей и гулким эхом стучал в голове. Элиас поднял голову.

— Они передают наше описание, — сообщил он. — Элиас Витуриус: рост шесть футов, четыре дюйма, вес двести десять фунтов, глаза серые, волосы черные. Последний раз видели в туннеле южнее Блэклифа. Вооружен и опасен. С ним девушка-книжница: рост пять футов шесть дюймов, вес сто двадцать шесть фунтов, глаза золотистые, волосы черные... — Он остановился. — Тебя заметили. Они охотятся за нами обоими, Лайя. Она охотится на нас. У нас нет возможности выбраться из города. Так что страх поможет нам не наделать глупостей и остаться в живых.

— Стены...

— Под усиленной охраной из-за восстания книжников, — сказал Элиас. — А сейчас, без сомнения, все еще жестче. Она наверняка передала, что мы еще не выбрались из города. Потому ворота будут вдвойне укреплены.

— Мы сможем... Ты... сможешь сразиться и освободить нам путь? Может, у малых ворот?

— Мы смогли бы, — ответил Элиас, — но тогда многих придется убить.

Я поняла, почему он отвел взгляд, хотя часть меня, хладнокровная и негибкая, та часть, что родилась в Блэклифе, не видела особой разницы, если будет убито несколькими меченосцами больше. К тому же если учесть, скольких он уже убил. И особенно если представить, что меченосцы сотворят с книжниками, когда восстание ополченцев будет подавлено. Но другая часть меня отогнала эти черствые мысли.

— Тогда уйдем через туннели? — спросила я. — Солдаты этого не ждут.

— Мы не знаем, где именно произошли обвалы. Нет смысла спускаться в катакомбы, чтобы оказаться в тупике. Может, через доки. Мы могли бы плыть по реке...

— Я не умею плавать.

— Напомни мне потом научить тебя. — Он покачал головой — больше вариантов не было. — Мы можем залечь на дно, пока восстание не стихнет. Затем пробраться в туннели, как только взрывы прекратятся. Я знаю одно укромное место.

— Нет, — торопливо отвергла я его предложение. — Дарина отправили в Кауф три недели назад. И фрегаты, что везут заключенных, быстроходны, ведь так?

Элиас кивнул:

— Им понадобилось меньше двух недель, чтобы доплыть до Антиума. Оттуда по суше до Кауфа еще дней десять при хорошей погоде. Возможно, они уже на месте.

— А сколько у нас займет времени дорога туда?

— Нам придется идти по суше и при этом скрываться, чтобы нас не обнаружили, — ответил Элиас. — Три месяца, если поторопимся и успеем добраться до Невеннского хребта до того, как выпадет снег. Если не успеем, то не сможем пройти там до самой весны.

— Тогда нельзя терять время, — решительно сказала я. — Ни дня.

Я снова оглянулась, пытаюсь совладать с растущим в груди страхом.

— Она нас не преследует.

— Не обязательно, — возразил Элиас. — Она чертовски умна, не забывай.

Он задумчиво оглядел окружавшие нас сухие деревья, вращая в руке кинжал.

— У моего деда есть заброшенный склад рядом с рекой, прямо напротив городской стены, — наконец произнес он. — Он показывал мне его несколько лет назад. Дверь на заднем дворе выводит из города. Но я там давно не был. Его может уже не существовать.

— А Комендант о нем знает?

— Дед никогда бы ей не рассказал.

Мне вспомнились слова Иззи, моей подруги-рабыни из Блэклифа. В первый же день, как я попала в Академию, она меня предупредила: «Комендант видит и знает то, что не должна знать».

Однако нам необходимо выбраться из города, а ничего лучше придумать я не могла.

Покинув укрытие, мы торопливо пошли по улицам, которых не коснулись сражения ополченцев, старательно обходя районы, где гремели бои и полыхали пожары. Прошло несколько часов, день клонился к закату. Элиас выглядел совершенно спокойным, как будто погромы вокруг оставляли его равнодушным.

Даже не верилось, что всего месяц назад бабушка с дедушкой были живы, брат — свободен, а имя Витуриус ни о чем мне не говорило.

Все, что произошло с тех пор, казалось сплошным кошмаром. Нэн и Поуп убиты. Солдаты схватили Дарина, когда он кричал: «Лайя, беги!»

Ополчение, обещавшее помочь спасти моего брата, предало меня.

В памяти всплыло еще одно лицо. Темные глаза, красивые черты и мрачный взгляд. Всегда мрачный. Оттого его улыбка была на вес золота. Кинан, повстанец с огненно-рыжей копной волос. Он пренебрег приказом лидера Ополчения и дал мне шанс сбежать из Серры, который я, в свою очередь, подарила Иззи.

Надеюсь, он не слишком рассердится. Надеюсь, он поймет, почему я не приняла его помощь.

— Лайя, — сказал Элиас, когда мы добрались до восточной части города. — Мы уже близко.

Мы вышли из лабиринта городских улиц и оказались рядом с хранилищами, принадлежащими негоциантам. Склады и подворья прятались в глубокой тени, которую отбрасывала высокая труба печи для обжига кирпича. Днем здесь царил суета, сновали телеги, торговцы, грузчики. Но с приходом ночи становилось пусто. Все как будто замирало. С севера дул крепкий ветер, а в вечерней прохладе чувствовались первые шаги приближающейся осени.

— Вон оно. — Элиас кивнул на здание, примыкающее к стене Серры. Оно мало чем отличалось от окружавших его складов, разве что двор порос бурьяном. — Это место.

Несколько минут он осматривал хранилище.

— Комендант не смогла бы спрятать здесь и дюжину масок. Однако сомневаюсь, что она пришла бы без них. Она не стала бы рисковать.

— А ты уверен, что она не пришла бы одна?

Ветер усилился, и я скрестила на груди руки, дрожа от холода. Комендант и сама по себе кому угодно могла внушить ужас. Сомневаюсь, что ей так уж необходима поддержка солдат.

— Не уверен, — признал он. — Жди здесь. Я должен убедиться, что все чисто.

— Мне кажется, и я должна пойти, — сказала я, занервничав. — Если что-нибудь случится...

— Тогда ты останешься в живых, даже если я погибну.

— Что? Нет!

— Если не будет никакой опасности, то я свистну один раз, и ты присоединишься ко мне. Если услышишь два коротких свистка, то значит — там солдаты. Ну а если нас поджидает Комендант, я свистну дважды по три раза.

— А если и правда она там будет? Что тогда?

— Тогда затаись. Останусь в живых, вернусь за тобой, — сказал Элиас. — Если же нет, беги отсюда как можно скорее.

— Элиас, ты идиот! Ты мне нужен, чтобы спасти Дарина...

Он прижал к моим губам палец, глядя прямо в глаза.

Хранилище впереди казалось абсолютно безмолвным. Позади пылал охваченный огнем город. Я вспомнила последний раз, когда мы вот так же смотрели друг другу в глаза. Тогда мы поцеловались. У него вырвался вздох, и я поняла, что он тоже об этом вспомнил.

— Пока есть жизнь, есть и надежда, — произнес он. — Одна смелая девушка сказала мне это. Если что-нибудь со мной случится, не бойся. Ты обязательно сумеешь найти выход.

Пока меня вновь не одолели сомнения, он опустил руки и пересек хранилище легко и бесшумно, точно облако пыли, поднимающееся из печной трубы.

Я следила за ним, с горечью понимая, что наш план может рухнуть в любую секунду. Все, чего мы добились до сей поры, получилось благодаря железной воле и случайному везению. Но как добраться до севера без помощи Элиаса, я понятия не имела. Не представляла я и как попасть в сам Кауф, во всем полагаясь на своего спутника. Все, что у меня было — это внутренний голос, который твердил, что я должна спасти Дарина, и обещание Элиаса помочь мне. Все остальное — лишь мечты и надежды, самое хрупкое, что есть в мире.

Мало. Этого чертовски мало. Ветер, слишком холодный для последних дней лета, разметал мои волосы.

Элиас скрылся во дворе заброшенного склада. Я страшно нервничала, и, хотя вдыхала полной грудью, мне не хватало воздуха. *Давай же! Давай!* Ожидание мига, когда он подаст сигнал, стало сущей пыткой.

А затем я услышала сигнал. Такой быстрый, что в первую секунду я подумала, не ошиблась ли. Я надеялась, что ошиблась. Но тут же услышала его вновь: три коротких свистка. Резких, внезапных, предостерегающих.

Комендант нас обнаружила.

4: Элиас

Моя мать весьма искусно спрятала свой гнев. И не просто подавила, а глубоко похоронила, сверху водрузив надгробие и притворившись, что он мертв.

Но я-то видел в глазах матери его тлеющие огоньки. Так тлеет, чернея, уголок бумаги, перед тем как вспыхнуть.

Я ненавидел саму мысль, что мы с ней одной крови. Если б только можно было выдавить эту кровь по капле! Комендант стояла у высокой городской стены, почти полностью растворившись в тени. Ее выдавал лишь серебряный блеск маски. В двух шагах от нее единственный путь к бегству — деревянная дверь, настолько плотно увитая засохшими виноградными лозами, что сразу ее и не разглядеть. И хотя Комендант стояла без оружия, с пустыми руками, весь ее облик ясно давал понять: ты уйдешь только через мой труп.

Проклятье! Я лишь надеялся, что Лайя услышала мой свист и спрячется как следует.

— Долго же ты добирался, — заметила Комендант. — Я жду уже несколько часов.

Она бросилась на меня, выхватив длинный нож так молниеносно, точно он выскочил из ее кожи. Я едва увернулся и сделал выпад мечом. Она легко ускользнула, даже не подумав скрестить клинки, а затем бросила метательную звезду, которая пронеслась в миллиметре от меня. Мать потянулась за другой звездой, и я ударил ее ногой в грудь так, что она упала. Пока она поднималась, я быстро осмотрелся, не видно ли где солдат, но вдоль городской стены было пусто и на крышах тоже никого. С дедовского склада не доносилось ни звука. И все же я не мог поверить, что она не прихватила с собой наемных убийц, которые прячутся где-то поблизости.

Справа я услышал шорох и вскинул меч, приготовившись отбить стрелу или копьё. Но это оказалась лошадь

Коменданта, привязанная к дереву. Я узнал седло клана Витуриа. Значит, это один из жеребцов моего деда.

— Какой ты нервный. — Комендант приподняла серебряную бровь, вставая на ноги. — Успокойся. Я пришла одна.

— Что так?

Комендант запустила в меня россыпь звездочек. Пригнувшись, я прыгнул вперед и метнул в нее нож. Она отскочила, укрывшись за деревом.

— Если ты думаешь, что мне нужна армия, чтобы убить тебя, мальчик, — усмехнулась она, — то ты ошибаешься.

Она распахнула ворот униформы, и я скривился, увидев на ней мерцающую серебром рубашку, способную защитить от любых лезвий.

Рубашка Элен.

— Я сняла ее с Аквиллы, — Комендант вынула мечи и с изящной легкостью отразила атаку, — перед тем, как отправить девчонку на допрос к солдатам Черной Гвардии.

— Она ничего не знает.

Я уклонялся от ударов Коменданта, которая кружила вокруг меня. *Заставь ее обороняться. Затем быстро нанеси удар по голове, чтобы вырубить ее. Укради лошадь. Беги.*

Когда наши клинки скрещивались, она издавала странный звук, нарушавший тишину хранилища. Затем я понял, что она смеется.

Я никогда не слышал, как смеется моя мать. Никогда.

— Я знала, что ты придешь сюда. — Она налетела на меня, выставив клинки. Я нырнул вперед, почувствовав, как лицо овеяло ветерком от ее лезвий, которые прошли буквально в дюйме от меня. — Ты, должно быть, обдумывал вариант побега через городские ворота. Затем через туннели, реку, доки. Но все это слишком хлопотно, особенно с твоей маленькой подружкой под боком. Ты вспомнил про это место и решил, что я об этом не узнаю. Глупец. Она здесь. — Комендант раздраженно прошипела, когда я блокировал атаку и поймал ее за руку. — Рабыня-книж-

ница. Прячется, наблюдает. — Комендант фыркнула и повысила голос: — Отчаянно цепляешься за свою жизнь, как таракан. Да ты и есть насекомое. Пророки спасли тебя, я угадала? Мне следовало раздавить тебя.

«Прячься, Лайя!» — мысленно закричал я, но вслух не издал ни звука, чтобы мать не метнула одну из своих звезд в грудь Лайи. Сейчас склад находился за спиной Коменданта. У нее слегка сбилось дыхание, а в глазах блеснул смертоносный огонь. Она хотела поскорее покончить с нами.

Сделав ложный выпад, который я блокировал, Комендант ударила меня, сбив с ног, и метнула нож. Я едва успел откатиться, избежав верной смерти, как в меня со свистом полетели две звезды. От одной я увернулся, а вторая вонзилась мне в предплечье.

За спиной матери я увидел слабое сияние золотистой кожи. *Лайя, нет! Не подходи!*

Моя мать опустила мечи и вынула два кинжала, намереваясь убить меня. Она кинулась на меня со всей силы, обрушив резкие удары, настолько быстрые, что их сложно заметить, пока не испустишь последний вздох.

Я уворачивался от нее слишком медленно. Лезвие полоснуло по плечу. Я отступил, но не успел уклониться от коварного удара ногой в лицо, от которого повалился на колени. В глазах двоилось. *Ты покойник, Элиас.* Дыхание эхом отдавалось в голове — мелкие, болезненные вдохи. Я слышал ее смех, холодный и резкий, точно камень, разбивающий стекло. Она подошла, чтобы нанести последний удар. Лишь благодаря навыкам, полученным в Блэклифе, благодаря ее урокам, я инстинктивно поднял меч и блокировал ее. Но мои силы иссякли. Один за другим она выбила из рук оба меча.

Краем глаза я заметил Лайю, которая подходила к нам, сжимая в руке кинжал. *Стой, черт возьми! Она убьет тебя, ты и моргнуть не успеешь.*

Но затем я на миг закрыл глаза, а когда открыл — Лайя исчезла. Даже подумал, что это всего лишь игра воображе-

ния — удар крепко встряхнул мне мозги, но тут Лайя появилась снова. Она швырнула горсть песка прямо в глаза моей матери.

Комендант отдернула голову, и я принялся шарить по земле, пытаясь найти свои мечи. Схватил один, но тут увидел, что мать на меня смотрит.

Я уже представил, как ее рука, облаченная в перчатку, взметнется и отразит удар меча. Я ожидал, что умру, оставив Коменданта злорадно торжествовать.

Но в ее глазах промелькнуло странное чувство, которое я не смог распознать.

В следующий миг я ударил ее рукоятью меча в висок. Она отключилась как минимум на час, повалившись на землю, точно мешок с мукой.

Мы с Лайей смотрели на нее, распростертую у наших ног, и меня одолевали гнев и смущение. Каких только преступлений моя мать не совершала? Она избивала, убивала, истязала, поработала. И вот теперь она лежала совершенно беспомощная. Убить ее было бы проще простого. Внутренний голос солдата-маски требовал так и поступить. *Не давай слабину, дурак. Ты об этом пожалеешь.*

Но эта мысль вызвала отвращение. Я не смогу убить свою мать, убить вот так, каким бы чудовищем она ни являлась.

Тут я заметил быстрое движение, затем фигура скрылась в тени сарая. Солдат? Возможно, но он один и трусит выйти и сразиться. Может, он увидел нас, а может, нет. Ждать, чтоб это выяснить, мне не хотелось.

— Лайя! — Я схватил свою мать за ноги и поволок к лошади. Она оказалась удивительно легкой. — Приведи коня.

— Она... она... — Лайя посмотрела на тело Коменданта, и я покачал головой.

— Лошадь, — повторил я. — Отвяжи и подведи ее к двери.

Лайя выполнила мою просьбу, я же достал моток веревки из мешка, который прихватил с собой, отрезал длинный

кусок и связал мать по рукам и ногам. Это, конечно, надолго не удержит ее после того, как она придет в себя. Но учитывая, как крепко ее приложили по голове, у нас есть запас времени, чтобы уехать подальше от Серры прежде, чем она отправит солдат за нами в погоню.

— Мы должны убить ее, Элиас. — Лайю трясло. — Она помчится за нами в погоню, сразу как очнется. Так мы никогда не доберемся до Кауфа.

— Я не буду убивать ее. Если хочешь убить ее сама, то поторопись. У нас мало времени.

Я обернулся и снова попытался разглядеть, кто таился в тени, наблюдая за нами. Но кто бы то ни был, он уже ушел. Разумнее всего предположить худшее: что это солдат и вскоре он поднимет тревогу.

Однако войск, патрулирующих крепостной вал Серры, не было видно. *Наконец хоть немного везения.* Дверь в стене пришлось несколько раз как следует толкнуть, прежде чем она открылась с громким скрипом. На миг у меня в глазах снова начало двоиться. Чертов удар в голову. Пройдя через толстую стену, мы стали продираться сквозь огромную абрикосовую рощу. Лайя вела коня, постукивающего копытами, а я шел впереди, с мечами наголо.

Комендант решила встретиться со мной один на один. Возможно, все дело в ее гордости — в желании доказать себе и мне, что она способна одолеть меня в одиночку. Иначе она бы разместила здесь как минимум несколько эскадронов, чтобы поймать нас на тот случай, если мы прорвемся. Можно было бы считать, что нам повезло, если б не один момент. Я прекрасно знаю свою мать, и уж у нее-то всегда есть запасной план.

Я возблагодарил небеса за то, что ночь была темной. Если бы светила луна, умелый лучник мог бы запросто подстрелить нас. Поэтому мы старались затеряться среди деревьев. И все же я не доверял темноте, постоянно ожидая, что вот-вот сверчки стихнут, замрут ночные создания. Что вот-вот раздастся скрип сапог и внутри у меня все похолодеет.

Но пока мы пробирались под сенью деревьев, так никто и не появился.

Я замедлил шаг, когда мы подошли к границе сада. Приток Реи бежал совсем рядом. В темноте пустыни светились лишь огни двух гарнизонов, что находились в нескольких милях друг от друга и от нас. Они обменивались сообщениями, передавая их барабанной дробью. Но все сообщения относились к движению патрулей в Серре. Издалека донесся стук лошадиных копыт. Я настороженно замер, но звук постепенно стих.

— Что-то здесь не так, — сказал я Лайе. — Моя мать должна была разместить здесь патруль.

— Может, она решила, что обойдется без них, — неуверенно прошептала Лайя. — Что сама сможет убить нас.

— Нет, — ответил я. — У Коменданта всегда есть запасной план.

Мне внезапно захотелось, чтоб тут оказалась Элен. Я так и видел, как она хмурит серебристые брови, терпеливо и скрупулезно распутывая ситуацию.

Лайя подняла голову и посмотрела на меня.

— Комендант совершила ошибку, Элиас, — сказала она. — Она недооценила нас обоих.

Все верно, и тем не менее грызущее изнутри беспокойство не умолкало. Проклятье, голова моя просто раскалывалась. То и дело подкатывала тошнота. Чертовски хотелось спать. *Думай, Элиас*. Что промелькнуло в ее взгляде как раз перед тем, как я ее ударил? Какое-то чувство, которое обычно она не выражала. И в следующий миг меня осенило. Удовлетворение. Комендант чувствовала удовлетворение. Но с чего бы, если она понимала, что попытка убить меня не удалась и сейчас я нанесу ей удар?

— Она не совершала ошибку, Лайя. — Мы вышли из сада. Перед нами простиралась бескрайняя пустынная ширь. Я внимательно посмотрел на поднимающийся над Серранским хребтом шторм в сотнях миль отсюда. — Она нас отпустила.

Но я не понимал почему.

5: Элен

«Верность до конца».

Отец нашептывал мне девиз клана Аквилла почти с самого рождения. Я повторяла эти слова тысячи раз. И никогда не задавала вопросов. Никогда не сомневалась. Сейчас, когда два легионера держали меня в подземелье Блэклифа, я думала над этими словами. «Верность до конца».

Кому быть верным? Моей семье? Империи? Собственному сердцу?

Будь проклято это сердце. Из-за него я сюда и попала.

— Как сбежал Элиас Витуриус?

Слова допросчика проникали в мое сознание сквозь пелену мыслей. Его голос оставался таким же равнодушным, как и несколько часов назад, когда Комендант велела бросить меня в эту яму. Группа масок под ее предводительством окружила меня за казармами Блэклифа. Я спокойно сдалась, но Комендант все равно меня вырубил. И пока я была без сознания, умудрилась сорвать с меня серебряную рубашку, подаренную Пророками. Рубашка, слившись с моей кожей, делала меня почти неуязвимой. Наверное, мне стоило удивиться, как она сумела ее снять. Однако я ничуть не удивлена. В отличие от всех остальных в этой чертовой Империи, кто имел глупость недооценивать Коменданта, я никогда не заблуждалась на ее счет.

— Как он сбежал? — Допросчик снова повторил свой вопрос. Я подавила вздох. Я отвечала на него уже сотню раз.

— Я не знаю. Только собиралась отрубить ему голову, как в следующий миг меня оглушил звон в ушах. Когда я взглянула на помост, он уже исчез.

Допросчик кивнул двум легионерам, которые меня держали. Я собралась с духом. *Не говори им ничего.* Когда Элиас сбежал, я пообещала, что прикрою его в последний раз. Если станет известно, что он ушел через туннели вместе с рабыней-книжницей, а свою маску отдал мне, солда-

там будет легче выследить его. Он ни за что не сможет выбраться из города живым.

Легионеры сунули мою голову в ведро с грязной водой. Я плотно сжала губы, закрыла глаза и расслабилась, хотя нестерпимо хотелось вырваться из рук моих мучителей. Но я следовала той линии поведения, которой обучила нас Комендант во время тренировочных допросов.

Элиас в бегах. Он в далеком, залитом солнцем краю. Он улыбается. Он обрел свободу, которую так долго искал.

Легкие распирало и жгло огнем.

Элиас в бегах. Элиас свободен. Я тону, я умираю. Элиас в бегах. Элиас свободен.

Легионеры выдернули мою голову из ведра, и я глубоко вдохнула.

Допросчик твердой рукой поднял мой подбородок, заставляя смотреть в его серебряное лицо, в бледно-зеленые бесчувственные глаза. Я ожидала увидеть если не гнев, то хотя бы проблеск раздражения — ведь он несколько часов кряду задавал одни и те же вопросы и получал одни и те же ответы. Но он выглядел абсолютно спокойным. Почти безмятежным.

Про себя я окрестила его Северянином за смуглую кожу, впалые щеки и особый разрез глаз. Он закончил Блэклиф несколько лет назад и был еще слишком молод, чтобы служить в Черной Гвардии, не говоря уж о том, чтобы вести допросы.

— Как он сбежал?

— Я только что сказала вам...

— Почему ты оказалась в казармах Мастеров после взрыва?

— Думала найти его там, но потеряла из виду.

Частично это правда. В конце концов, я ведь и в самом деле потеряла его.

— Как он установил взрывчатку? — Северянин отпустил мое лицо и стал медленно ходить вокруг меня. Он почти слился с полумраком подземелья, пестрела лишь красная вставка его униформы — кричащая птица, символ

Черной Гвардии, внутреннего войска Империи. — Когда ты ему помогла?

— Я ему не помогала.

— Он был твоим наперсником. Твоим другом. — Северянин что-то достал из кармана. Оно звякнуло, но я не видела, что это. — В тот миг, когда его должны были казнить, прогремела серия взрывов и практически сровняла школу с землей. Думаешь, кто-то поверит, что это простое совпадение?

Я промолчала, и Северянин подал знак легионерам вновь окунуть меня в ведро. Я глубоко вдохнула, выбросив из головы все, кроме образа Элиаса, обретшего свободу. И как раз в тот момент, когда мою голову опустили в воду, я вдруг подумала о ней. О книжнице. О ее волнистых темных волосах и чертовых золотистых глазах. О том, как он держал ее за руку, когда они пересекали двор Академии. О том, как певуче она произносила его имя.

В рот хлынула вода с привкусом мочи и смерти. Я стала вырываться из крепких рук легионеров. *Успокойся.* Вот так допросчики и ломают своих узников. Достаточно появиться единственной трещинке, как он тут же вобьет в нее клин и будет долбить и долбить, пока не расколешься.

Элиас сбежал. Элиас свободен. Я попыталась мысленно воскресить этот образ, но видела лишь, что они вместе, как переплетены их руки.

Может, задохнуться в грязной воде — не самый худший вариант.

Легионеры выдернули меня, когда сознание стало меркнуть. Я выплюнула изо рта воду.

Взбодрись, Аквилла. Вот так он тебя и ломает.

— Кто эта девушка?

Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что на долю секунды я не сумела скрыть потрясение, чем невольно выдала, что знаю, о ком речь.

Часть меня проклинала Элиаса за то, что он оказался настолько глуп, что попался кому-то на глаза с этой девуш-

кой. Другая часть пыталась подавить растущий внутри ужас. Допросчик же внимательно следил за эмоциями, промелькнувшими в моих глазах.

— Очень хорошо, Аквилла. — Его слова едва слышны. И сразу же мне вспомнилась Комендант. Чем тише она говорит, однажды сказал Элиас, тем большей опасности нужно от нее ждать. Наконец я увидела, что достал из кармана Северянин. Два набора соединенных между собой металлических колец, которые он надел на пальцы. Кастеты. Жестокое орудие, избитый ими обречен на медленную смерть от потери крови.

— Почему бы нам не начать?

— Начать? — Меня держали в этом аду уже несколько часов. — Что вы имеете в виду?

— Это, — кивнул он на ведро, а затем на мое избитое лицо, — я просто с тобой познакомился.

Тысяча чертей! Главную пытку он припрятал в рукаве. Он увеличивал боль понемногу, раз от разу, постепенно ослабляя меня. Он ждал, когда пробьет во мне трещину, когда я начну сдаваться. *Элиас сбежал. Элиас свободен. Элиас сбежал. Элиас свободен.*

— А сейчас, Кровавый Сорокопут... — Несмотря на то что Северянин говорил очень тихо, его слова просочились сквозь мантру, звучащую в моей голове. — Сейчас мы посмотрим, из чего ты сделана.

* * *

Границы времени размылись. Шли часы. Или дни? Недели? Я не могла сказать. Здесь внизу я не видела солнца. Не слышала боя барабанов и колокольного звона.

«Еще чуть-чуть, — говорила я себе после особо жестокого избиения. — Еще час продержаться. Еще час. И еще полчаса. Пять минут. Минуту. Только одну».

Но каждая секунда была наполнена болью. Я проиграла борьбу. Я чувствовала это с каждой уходящей минутой, слышала в словах, что путались и вязли во рту.

Двери моей тюрьмы открывались и закрывались. Приходили гонцы, приносили новости. Вопросы Северянина менялись, но он и не думал прекращать допрос.

— Мы знаем, что он сбежал с девчонкой через туннели. — Один глаз у меня полностью заплыл, и когда Северянин говорил, я смотрела на него другим глазом. — Перебил там половину взвода.

О, *Элиас*. Он будет терзаться из-за того, что убил их. Он никогда не сочтет подобный шаг вынужденной необходимостью, он будет думать, что сделал неверный выбор. Он будет чувствовать их кровь на руках гораздо дольше, чем чувствовала бы я. Однако в глубине души я испытала облегчение от того, что теперь Северянин знал, как сбежал Элиас. Во всяком случае, больше мне не придется лгать. Когда Северянин спросил меня про отношения Лайи и Элиаса, я честно ответила, что ничего не знаю. Мне просто надо продержаться какое-то время, чтобы Северянин мне поверил.

— Расскажи мне о них — это не так уж и сложно, правда? Мы знаем, что девчонка была связана с Ополчением. Она вовлекла Элиаса в это дело? Они были любовниками?

Мне хотелось смеяться. *Тебе, как и мне, остается лишь гадать об этом.*

Я попыталась ответить ему, но было так больно, что смогла лишь простонать. Легионеры швырнули меня на пол. Я лежала, свернувшись в клубок, слабо пытаюсь защитить сломанные ребра. Дыхание с хрипом вырывалось из груди. Мне хотелось бы знать, близко ли моя смерть.

Я подумала о Пророках. Знают ли они, где я? Беспокоит ли их это?

Должны знать. И все же они не сделали ничего, чтобы помочь мне.

Однако я еще не умерла. И Северянин не добился от меня того, что ему нужно. Раз он все еще задает вопросы, значит, Элиас до сих пор на свободе и та девушка с ним.

— Аквилла. — Голос Северянина изменился. В нем слышалась усталость. — Твое время вышло. Расскажи мне о девчонке.

— Я не...

— Иначе я забью тебя до смерти, таков приказ.

— Приказ Императора? — прохрипела я. Странно, я думала, Маркус обрушит на меня всевозможные ужасы, прежде чем убить.

— Неважно, чей приказ, — произнес Северянин. Он присел на корточки и встретился со мной взглядом. На этот раз его зеленые глаза были не так безмятежны.

— Он не стоит этого, Аквилла, — промолвил он. — Скажи мне то, что мне надо знать.

— Я... я ничего не знаю.

Некоторое время Северянин ждал, не сводя взгляда, но я молчала. Тогда он поднялся и надел кастеты.

Я вновь вспомнила Элиаса, который совсем недавно сидел в этом же подземелье. О чем думал он перед лицом смерти? Он казался таким безмятежным, когда всходил на помост. Как будто, встретив свою судьбу, он наконец обрел мир в душе. Хотелось бы и мне обрести хоть чуточку этого мира. *Прощай, Элиас. Надеюсь, ты нашел свободу. Надеюсь, ты счастлив. Небеса свидетели, больше никому из нас это не светит.*

Дверь за спиной Северянина со скрипом открылась. Я услышала знакомую ненавистную походку. Император Маркус Фаррар. Пришел убить меня собственноручно.

— Ваше Величество Император, — поприветствовал его Северянин. Легионеры подняли меня с пола, поставили на колени и склонили мою голову в знак подобия уважения. В тусклом свете подвала, да еще и одним глазом, я не могла различить выражение лица Маркуса. Но я тотчас узнала высокого светловолосого господина за его спиной.

— Отец? — Что он, тысяча чертей, здесь делает? Маркус задумал использовать его, чтобы надавить на меня? Он собирается пытаться его, пока я не расскажу все, что знаю?

— Ваше Величество... — Когда отец обратился к Маркусу, голос звучал абсолютно ровно — так, что нельзя было распознать эмоций. Но глаза, скользнувшие по мне, наполнились ужасом. Собрав остатки сил, я взглянула на него.

Не показывай ему свой страх, отец. Не дай понять, что ты чувствуешь.

— Одну минуту, Отец Аквилла. — Маркус отмахнулся от него и посмотрел на Северянина. — Лейтенант Харпер, — обратился он к допросчику. — Чего-нибудь добились?

— Она ничего не знает о девушке, Ваше Величество. И к разрушению Блэклифа не причастна.

Значит, он поверил мне.

Змей велел легионерам отпустить меня. Я приказала себе не падать. Маркус схватил меня за волосы и рывком поставил на ноги. Северянин наблюдал за происходящим с каменным лицом. Я стиснула зубы и распрямила плечи. Я приготовилась к боли, ожидая, нет, надеясь, увидеть в глазах Маркуса только ненависть.

Но он разглядывал меня с жутким спокойствием, какое было ему совсем не свойственно. Казалось, он знал все мои страхи как свои собственные.

— Правда, Аквилла? — спросил Маркус, и я отвела взгляд. — Элиас Витуриус, твоя единственная настоящая любовь, — в его устах это прозвучало мерзко и грязно, — сбежал у тебя из-под носа с девкой-книжницей, и ты ничего об этом не знаешь? Не знаешь ничего о том, как она осталась в живых после Четвертого Испытания? Или о ее роли в Ополчении? А может, методы лейтенанта Харпера не слишком действенны? Может, мне стоит придумать что-нибудь получше?

Лицо отца, стоявшего за спиной Маркуса, стало еще бледнее.

— Ваше Величество, прошу...

Маркус не обратил на него внимания. Он прижал меня спиной к сырой стене подвала и навалился всем телом.

Когда он приник губами к моему уху, я зажмурилась, отчаянно желая, чтобы отец этого не видел.

— Может, мне следует кого-нибудь помучить? — пробормотал Маркус. — Того, в чьей крови мы сможем искупаться? Или я должен сделать кое-что другое? Надеюсь, ты обратила внимание на методы Харпера? Тебе, как Кровавому Сорокопуту, они не раз пригодятся.

Перед глазами с ужасающей ясностью встали давние ночные кошмары, о которых он каким-то образом прознал. Я видела искалеченных детей, выпотрошенных матерей, дома, сожженные дотла. И я всегда рядом с ним, его преданный воин, его опора, его любовница. Я упиваюсь этим. Я хочу его.

Это просто ночной кошмар.

— Я ничего не знаю, — прохрипела я. — Я верна Империи. Я всегда была верна Империи.

«Не пытай моего отца», — хотелось мне добавить, но я заставила себя замолчать.

— Ваше Величество... — Голос моего отца на этот раз звучал настойчивее. — Как же наше соглашение?

Соглашение?

— Минуту, Отец, — пробурчал Маркус. — Я еще играю.

Он придвинулся ближе, затем на его лице появилось странное выражение — удивление и, возможно, раздражение. Он мотнул головой, словно лошадь, отгоняющая муху, и отступил.

— Освободите ее, — приказал он легионерам.

— Что это? — Я попыталась встать, но ноги подкосились. Отец поймал меня, не дав упасть, и закинул мою руку себе на плечи.

— Ты свободна и можешь идти. — Маркус не сводил с меня взгляда. — Отец Аквилла, жду вашего доклада завтра к десятичасовому колоколу. Вы знаете, где меня найти. Кровавый Сорокопут, ты придешь с ним. — Он медленно провел пальцем по кровоточащим ссадинам на моем лице, затем поднес палец ко рту и лизнул. В его глазах

читалось вожеление. — У меня для тебя есть задание.

Потом он вышел, а вслед за ним Северянин и легионеры. Только когда шаги на лестнице, ведущей из подвала, стихли, я позволила себе уронить голову. Усталость, боль, подозрения истощили мои силы.

Но я не предала Элиаса. Я выдержала допрос.

— Пойдем, дочка. — Отец держал меня бережно, как младенца. — Я отведу тебя домой.

— Что ты ему за это пообещал? — спросила я. — Что ты ему должен за меня?

— Ничего важного. — Отец попытался подхватить меня, но я не позволила, лишь прикусила губу посильнее, чтобы выступила кровь. Пока мы шаг за шагом выбирались из подвала, я старалась думать только об этой боли и не обращать внимания на слабость в ногах и жжение в костях. Я — Кровавый Сорокопут Империи меченосцев. Я выйду отсюда на своих двоих.

— Что ты ему дал, отец? Деньги? Землю? Мы разорены?

— Нет, не деньги. Влияние. Он ведь плебей. У него нет ни клана, ни семьи, которые бы поддержали его.

— Клань ополчились против него?

Отец кивнул.

— Они призывают к его свержению... или убийству. У него слишком много врагов, и всех их ему не пересажать. И не убить. Они слишком могущественны. Ему необходимо влияние, которое я ему и дам. В обмен на твою жизнь.

— Но как? Ты будешь давать ему советы? Дашь ему людей? Я не понимаю...

— Сейчас это неважно. — Голубые глаза отца вспыхнули гневом, и, поймав его взгляд, я почувствовала, как в горле у меня растет ком. — Ты моя дочь. Я бы позволил содрать с меня кожу живьем, если бы он попросил. Обопришь об меня, моя девочка. Береги силы.

Не может быть, чтобы Маркус выжал из отца одно лишь влияние. Мне хотелось настоять, чтобы отец рассказал мне все без утайки, но пока мы поднимались по лестнице, у меня закружилась голова. Я была слишком измучена, чтобы требовать ответов, и позволила ему вывести меня из подвала. Но тревожное предчувствие не утихало, рождая подозрения, что какую бы цену ни заплатил отец за мою жизнь, она окажется чересчур высока.

6: Лайя

Нам следовало убить Коменданта. Пустыня за крепостным валом Серры хранила тишину и спокойствие. Лишь отблески пожара в ясном ночном небе говорили о восстании книжников. Холодный бриз принес с востока запах дождя. Там, над вершинами гор, бушевала гроза.

Вернись. Убей ее. Я буквально разрывалась на части. Если Керис Витуриа позволила нам уйти, значит, у нее на то имелись свои причины. Некий дьявольский план. Кроме того, она убила моих родителей и сестру. Она выколола Иззи глаз. Изуродовала Кухарку. Пытала меня. Она взрастила не одно поколение смертоносных, коварных чудовищ, которые превратили мой народ в бессловесных призраков. Она заслуживает смерти.

Однако мы уже довольно далеко отошли от стен Серры, и теперь было слишком поздно поворачивать назад. Гораздо важнее спасти Дарина, чем мстить этой безумной. А чтобы добраться до Дарина, необходимо уйти от Серры как можно дальше и как можно быстрее.

Когда мы вышли из сада, Элиас вскочил на коня. Он постоянно оглядывался по сторонам. В каждом его движении сквозила настороженность. Я чувствовала — он задавался тем же вопросом, что и я: почему Комендант нас отпустила?

Он подал мне руку, я подтянулась и села позади него. От его близости к лицу тотчас прилил жар. Седло было широким и удобным, но и Элиас — далеко не щуплым. Я не знала, куда пристроить руки. К нему на плечи? На талию? Так и оставила их болтаться по бокам. Он пришпорил коня, и тот рванул с места. Я едва успела вцепиться в перевязь Элиаса, чуть не вылетев из седла. Он отклонился назад, притянув меня к себе. Я обняла его за талию и прижалась к широкой спине. Мимо проносились пустынные мили, я то и дело вертела головой.

— Пригнись, — бросил он через плечо. — Впереди гарнизоны.

Он мотнул головой, как будто хотел прогнать какое-то видение, и по всему его телу прокатилась дрожь. Годы наблюдения за работой дедушки и его пациентами кое-чему меня научили. Я приложила ладонь к шее Элиаса. Его кожа пылала. Но, возможно, его разгорячила и схватка с Комендантом. Дрожь вскоре утихла, и он снова пришпорил коня.

Я оглянулась, ожидая увидеть солдат, выбегающих из ворот города. Боялась я и того, что в любую минуту Элиас напряженно замрет и затем скажет, что слышит бой барабанов, сообщающих о нашем местоположении. Однако мы миновали гарнизоны без всяких происшествий. Нас окружала одна лишь пустыня. Паника, охватившая меня с момента встречи с Комендантом, начала медленно отступать.

Элиас ориентировался по свету звезд. Спустя четверть часа он замедлил бег лошади до легкого галопа.

— К северу пролегают дюны. Ехать там на лошади — сплошной ад.

Я приподнялась, пытаюсь расслышать его слова сквозь топот копыт.

— Едем на восток. — Он кивнул в сторону гор. — Нам надо попасть в грозу. Дождь смоем наши следы. Сейчас мы направляемся к предгорьям...

Ни я, ни он не заметили тени, которая вылетела из темноты, пока она нас не настигла. Только что в нескольких дюймах передо мной было лицо Элиаса — я наклонилась поближе, чтобы не пропустить ни слова — как в следующий миг я услышала звук упавшего на землю тела. Конь встал на дыбы, и я схватилась за седло, пытаюсь удержаться. Вдруг нечто вцепилось мне в руку и выдернуло из седла. Я хотела закричать, ощутив нечеловеческий холод этого прикосновения, но смогла лишь взвизгнуть. Казалось, будто меня схватила сама зима.

— Дай-й-й, — скрипуче протянуло существо. Я смогла разглядеть лишь развевающиеся полосы тьмы, образующие

подобие человеческой фигуры. От существа пахнуло зловонием смерти, и я в ужасе замолкла. В нескольких футах от меня, сыпля проклятиями, сражался с тенями Элиас.

— С-с-с-серебро. Дай, — произнесла державшая меня тень.

— Пошла прочь! — Я ударила ее кулаком, и руку тотчас заморозило до самого локтя. Тень исчезла, и я обнаружила, что нелепо отбиваюсь от воздуха. Однако спустя миг ледяное кольцо сковало мою шею и начало сжиматься.

— Дай-й-й!

Я не могла дышать. Отчаянно молотя ногами, я угодила в нее ботинком, и тень отпустила меня. Я хрипела и задыхалась. Ночную тишину пронзил оглушительный визг, и мимо пролетела бесплотная голова, отрубленная мечом Элиаса. Он бросился ко мне, но еще два существа вынырнули из темноты пустыни, преградив ему путь.

— Это призраки! — прокричал он мне. — Голову! Тебе надо отрубить им голову!

— Я же тебе не чертов мечник!

Призрак возник снова, и я выхватила из-за спины меч Дарина. Существо остановилось, но поняв, что я не умею им пользоваться, набросилось на меня и вонзило ледяные пальцы в шею, вытягивая кровь. Я закричала от холода и боли. Тело онемело, и меч Дарина выпал из рук. Но тут сверкнула сталь, раздался леденящий душу скрежет, и тень упала, обезглавленная. Пустыня погрузилась в тишину, нарушаемую лишь нашим хриплым дыханием. Элиас поднял меч Дарина и подошел ко мне, разглядывая царапины на моей шее. Взявшись теплыми пальцами за подбородок, он поднял мое лицо.

— Тебя ранили.

— Это пустяки.

Его лицо тоже было все в порезах, но он не жаловался, поэтому я отстранилась и взяла меч Дарина. Элиас, казалось, заметил его впервые. От удивления у него отвисла челюсть. Он приподнял его повыше, пытаясь разглядеть в свете звезд.

— Черт возьми, это же меч Телумана? Как... — За спиной раздался шорох, и мы оба схватились за оружие, но из темноты так ничего и не появилось. Тогда Элиас побежал к лошади. — Давай-ка выбираться отсюда. Расскажешь мне все по пути.

Мы мчались на восток. Я поняла, что Элиас почти ничего обо мне не знает, кроме того, что я рассказала ему той ночью, когда Пророк запер меня в его комнате.

«Возможно, это и хорошо, — шепнула мне осторожность. — Чем меньше знает, тем лучше».

Пока я размышляла, что можно рассказать ему о мече Дарина и Спиро Телумане, Элиас повернул ко мне голову. Его губы изогнулись в улыбке, как будто он догадался о моих сомнениях.

— Мы вместе, Лайя. Так что можешь все мне рассказать. И, — он кивнул на мои раны, — мы сражались плечом к плечу. Ничего хорошего не выйдет, если врать своему товарищу по оружию.

Мы вместе. Все, что он сделал с того момента, как поклялся помогать мне, подтверждает, что это правда. Он заслуживал знать, за что борется. Заслуживал знать правду, какой бы странной и неожиданной она ни оказалась.

— Мой брат не был обычным книжником, — начала я. — И... ну, я не совсем обычная рабыня...

* * *

Прошло два часа. Мы проскакали пятнадцать миль. Лошадь тихо плелась дальше. Элиас хранил молчание, держа в одной руке поводья, вторая рука покоилась на рукояти кинжала. Низко нависшие облака разразились дождем, и я поплотнее запахнула плащ.

Я рассказала Элиасу все — про облаву и родителей, про дружбу Телумана и предательство Мэйзена, про то, как мне помогли Пророки. Я так привыкла носить эти секреты в себе, что и не замечала тяжести этой ноши, пока не освободилась от нее.

— Ты огорчен? — спросила я.

— Моя мать, — произнес он тихо, — она убила твоих родителей. Прости. Я...

— Это вина лишь твоей матери, не твоя, — ответила я, справившись с удивлением. Я никак не предполагала, что он это скажет. — Не извиняйся за них. Но... — Я вглядывалась в пустыню, безлюдную, тихую, обманчивую. — Но ты понимаешь, почему для меня так важно спасти Дарина? Он все, что у меня есть. После того, что он сделал для меня, и после того, что сделала я... бросила его...

— Ты должна его спасти. Я понимаю. Но, Лайя, он больше, чем просто твой брат. Ты должна это знать. — Элиас оглянулся на меня. Серые глаза пылали гневом. — Сталь Империи — это единственная причина, по которой никто не осмеливается бросить вызов меченосцам. Любое оружие от Маринии до Южных Земель сломается от удара нашего клинка. Узнав секрет стали, твой брат стал угрозой для Империи. Неудивительно, что Ополчение так хотело заполучить его в свои ряды. Неудивительно и то, что его отправили в Кауф, а не убили на месте. Они хотят знать, поделился ли он с кем-нибудь своими знаниями.

— Они не подозревают, что он был учеником Спиро, — добавила я. — Думают, что он шпион.

— Если нам удастся освободить его и переправить в Маринию, — Элиас остановил коня у полноводного ручья и подал знак спешиться, — он мог бы делать оружие для маринцев, книжников, кочевников. Он мог бы изменить мир.

Элиас покачал головой и спрыгнул с лошади. Как только подошвы коснулись грязи, ноги вдруг подогнулись, и он схватился за луку седла. Лицо стало белым как мел. Он приложил руку к виску.

— Элиас? — Я взяла его за руку и почувствовала, что он дрожит. Тело его прошила судорога, как и тогда, когда мы только покинули Серру. — Что с тобой?

— Комендант неплохо меня приложила, — сказал Элиас. — Ничего серьезного. На миг показалось, что ног не чувствую.

Цвет лица вернулся, Элиас запустил руку в седельную сумку и достал пригоршню абрикосов, таких спелых, что кожица начала лопаться. Должно быть, он набрал их в саду. Когда я надкусила фрукт и на губах остался сладкий вкус, мое сердце сжалось от боли. Я не могла есть абрикосы — мне сразу вспомнились ярко-синие глаза Нэн и ее джемы.

Элиас открыл рот, как будто намеревался что-то сказать, но передумал и наклонился к ручью, чтобы наполнить фляжки водой. Но я чувствовала, как его терзает какой-то вопрос. Мне хотелось знать, смогу ли я на него ответить. *Что за существо ты видела в кабинете моей матери? Почему Пророки спасли тебя?*

— В сарае, когда ты была с Кинаном, — наконец заговорил он. — Ты целовала его? Или он тебя?

Выплюнув абрикос, я закашлялась, и Элиас разогнулся, чтобы хлопнуть меня по спине. Я не знала, стоило ли рассказывать ему о поцелуе. В конце концов, решила я, раз уж доверилась ему, то будет лучше ничего не утаивать.

— Я рассказала тебе всю свою жизнь, а ты спрашиваешь об этом? Почему?

— А ты как думаешь? — Он вздернул голову и поднял бровь, и внутри у меня все сжалось. — В любом случае, — сказал он, — ты... ты...

Он снова побледнел, на лицо набежало странное выражение. На лбу выступил пот.

— Лайя, я не чувствую... — Не договорив, он пошатнулся. Я схватила его за плечо, пытаюсь удержать на ногах, а убрав руку, увидела, что она вся мокрая — и вовсе не от дождя.

— Небеса, Элиас, да с тебя пот течет ручьем.

Я взяла его ладонь. Холодная и липкая.

— Взгляни на меня, Элиас.

Он посмотрел мне в глаза. Зрачки были сильно расширены, все тело содрогалось. Он направился к лошади, но когда потянулся к седлу, потерял равновесие и упал. Я успела подхватить его под руку, пока он не ударился головой

о камни у ручья, и как могла осторожно опустила на землю. Руки его подергивались. От удара в голову такого бы не было.

— Элиас, — окликнула его я. — Ты не поранился где-нибудь? Комендант тебя ничем не порезала?

Он схватился за предплечье.

— Просто царапина. Ничего серьезного...

По глазам я увидела, что он все понял. Элиас повернулся ко мне, пытаясь что-то произнести, но его сразил приступ. Рухнув как подкошенный, он потерял сознание. Но я уже знала, что Элиас хотел сказать. Комендант отравила его.

Тело пугало своей неподвижностью. Я взяла запястье Элиаса и, нащупав беспорядочный пульс, запаниковала. Хотя пот струился с него в три ручья, тело оставалось холодным, никакого жара не было. Небеса, вот поэтому Комендант позволила нам уйти? *Конечно же, Лайя! Ты просто дура. Ей вовсе и не нужно гнаться за вами или устраивать засаду. Ей достаточно было лишь нанести порез, и яд убьет его.*

Но не убил, во всяком случае, пока. У моего дедушки бывали пациенты-книжники, раненные отравленными лезвиями. Большинство из них умирали в течение часа после ранения. Но в случае с Элиасом прошло уже несколько часов, а он только сейчас начал реагировать на яд.

Доза маловата, или же порез оказался неглубок. Неважно. Важно лишь то, что он все еще жив.

— Прости, — простонал Элиас. Сначала я решила, что он разговаривает со мной, но глаза оставались закрыты. Он поднял руки, словно от чего-то отмахивался. — Я не хотел. Это приказ... Я должен был...

Оторвав от плаща лоскут, я сунула его в рот Элиасу, чтобы он не откусил собственный язык. Неглубокая рана на руке воспалилась и горела. Когда я коснулась ее, он резко дернулся, напугав лошадь.

Я порылась в сумке, где держала флакончики с лекарствами и травами, и нашла средство, которым можно было

очистить рану. Как только я обработала порез, тело Элиаса расслабилось, разгладилось искаженное болью лицо.

Он по-прежнему мелко и часто дышал, но, во всяком случае, конвульсии больше не повторялись. Длинные ресницы темными полумесяцами лежали на бронзовых щеках. Во сне он выглядел моложе, напомнив мне того мальчика, с которым я танцевала в ночь Лунного Фестиваля.

Я положила руку ему на подбородок. Кожа была теплой и колючей от пробивающейся щетины. Элиас источал жизненную силу: когда сражался, когда скакал верхом. Она пульсировала в нем даже сейчас, когда его тело отравлено ядом.

— Давай, Элиас, борись, — молила я, склонившись к самому уху. — Очнись. Приди в себя.

Глаза распахнулись, он выплюнул кляп, и я с облегчением убрала руку с его лица. Раненый в сознании — это лучше, чем раненый без сознания. Он вскочил на ноги, но тут же согнулся пополам и его стошнило.

— Ляг. — Я потянула его вниз, Элиас опустился на колени. Растерла его широкую спину, как делал Поуп своим пациентам. *Прикосновения порой лечат лучше трав и припарок.* — Мы должны узнать, что это за яд, и найти антидот.

— Слишком поздно. — На миг Элиас расслабился в моих руках, затем потянулся за флягой и выпил всю воду. Затем взгляд его прояснился, и он попытался подняться. — Антидот для большинства ядов надо принимать в течение часа. Но если бы доза была смертельной, то я бы уже умер. Так что поехали.

— Куда? — спросила я. — В предгорья? Где нет ни городов, ни аптек? Тебя отравили, Элиас. Если антидот не поможет, значит, хотя бы нужно лекарство, чтобы сдерживать приступы, иначе ты так и будешь терять сознание до самого Кауфа. Только ты до него и не дотянешь, потому что невозможно так долго выносить подобные припадки. Поэтому сядь и дай мне подумать.

Он посмотрел на меня с удивлением, но сел.

Я постаралась воскресить в памяти тот год, когда я помогала Поупу как ученица лекаря. Вспомнилась маленькая девочка, страдающая судорогами и потерей сознания.

— Экстракт теллиса, — сказала я. Поуп давал девочке по капле экстракта, и за день симптомы уменьшились, а через два дня все прошло. — Это поможет твоему организму бороться с ядом.

Элиас скривился:

— Мы могли бы найти его в Серре или в Навиуме.

Вот только мы не можем вернуться в Серру, а Навиум находится в противоположной от Кауфа стороне.

— А как насчет Разбойничьего Привала? — спросила я, а у самой внутри все сжалось от страха.

Гигантская гора слыла обителью отбросов общества, живущих вне закона — разбойников, охотников за головами, торговцев черного рынка... Там вершились самые темные дела. Поуп несколько раз отправлялся к Привалу, чтобы собрать редкие травы, и Нэн глаз не могла сомкнуть, пока он не вернется.

Элиас кивнул:

— Там опасно, как в преисподней, но Разбойничий Привал кишит людьми, которые, как и мы, скрываются от Империи.

Он снова поднялся. С одной стороны, меня впечатляла его выносливость, а с другой — я просто ужасалась, с какой небрежностью относится к себе Элиас. Он нашарил поводья лошади.

— Скоро начнется новый приступ, Лайя. — Он похлопал лошадь по передней левой ноге, под коленом, и она присела. — Привяжи меня веревкой. Сама направляйся напрямиком на юго-восток. — Он сел в седло, едва не завалившись набок. — Я чувствую, они приближаются, — прошептал он.

Я испуганно обернулась, ожидая услышать, как сюда мчатся солдаты Империи, но вокруг стояла тишина. Когда вновь я повернулась к Элиасу, он смотрел в одну точку куда-то мимо меня.

— Голоса. Они зовут меня назад.

Галлюцинации. Еще один симптом отравления ядом. Я достала веревку из сумки Элиаса и привязала его к лошади, затем наполнила фляжки водой и вскочила в седло. Элиас вновь потерял сознание, привалившись к моей спине. Меня окутал его запах — запах пряностей и дождя, и я глубоко вдохнула его, чтобы успокоиться.

Вспотевшие руки скользили по поводьям. Животное будто почуяло, что я ничего не смыслю в верховой езде, и наклонило голову, натянув удила. Я обтерла ладони о рубашку и крепче взялась за поводья.

— Даже не смей, ты, кляча, — прикрикнула я в ответ на недовольное фырканье. — Нам с тобой еще несколько дней быть вместе, так что тебе лучше слушаться меня.

Я слегка пришпорила лошадь, и, к моему облегчению, она рванула вперед. Повернув на юго-восток, я вонзила каблуки глубже, и мы умчались в ночь.

7: Элиас

Меня окружали голоса и шорохи, которые напомнили о раннем утре в лагере кочевников: тихий шепот взрослых, успокаивающих лошадей; дети, разжигающие костер, на котором будет готовиться завтрак.

Я открыл глаза, ожидая увидеть пустыню, залитую солнцем, беззастенчиво ярким даже на рассвете. Однако обнаружил, что лежу под пологом густой листвы. Воздух был насыщен запахами сосновой хвои и покрытой мхом коры. Даже в полумраке я различал потрескавшиеся стволы больших деревьев, некоторые из них казались огромными точно дом. Сквозь паутину ветвей проглядывало небо, еще голубое, но быстро темнеющее от напоздавших серых туч. Приближалась гроза.

Я услышал, как что-то пронеслось между деревьями, но когда обернулся — оно уже исчезло. Листва шуршала, точно поле боя, полное шепота призраков. Бормотание то смолкало, то становилось громче.

Я встал, ожидая, что боль прострелит все тело, но ничего не почувствовал. Это казалось странным и неправильным.

Не важно, что это за место, я не должен здесь находиться. Я должен быть с Лайей на пути к Разбойничьему Привалу. Я должен очнуться, должен бороться с ядом, которым отравила меня Комендант. Инстинктивно я потянулся за своими мечами, но их не было.

— В мире призраков никому нельзя отсечь голову, ублюдок-душегуб.

Я узнал этот голос, несмотря на непривычную для него язвительность.

— Тристас?

Мой друг выглядел как и при жизни: черные как смоль волосы, на бледной коже выделялась татуировка с именем возлюбленной. «Аэлия». Он совсем не был похож на призрака. Но он — призрак. Я видел, как он погиб во время Третьего Испытания, сраженный клинком Декса.

Он и чувства испытывал, как будто живой. Я понял это с внезапной ясностью, когда он, оглядев меня, вдруг ударил кулаком в челюсть. Боль от удара ощущалась в два раза слабее, чем должно было быть, и тем не менее я отшатнулся. Ненависть, с которой он ударил меня, была гораздо мощнее удара.

— Это тебе за то, что отдал приказ убить меня во время Испытания.

— Прости, — покаялся я. — Я не хотел.

— Кого это волнует, если я все равно мертв.

— Где мы? Что это за место?

— Место Ожидания. Видимо, для тех, кто умер, но не готов двигаться дальше. Леандр и Деметриус ушли, а я — нет. Застрял тут и слушаю это нытье.

Нытье? Я решил, что он говорит о бормотании духов, что мелькали среди деревьев, но меня оно раздражало не больше, чем шелест волн океана во время прилива.

— Но я не умер.

— Разве она не встретила тебя своей маленькой речью? — спросил Тристас. — *Добро пожаловать в Место Ожидания, царство призраков. Я — Ловец Душ. Я здесь, чтобы помочь вам перейти на другую сторону.*

Я озадаченно покачал головой, и Тристас недобро улыбнулся.

— Ну, значит, скоро появится и будет пытаться запугать тебя, чтобы ты шел дальше. Здесь всё принадлежит ей.

Он указал на лес и духов, все еще бормотавших где-то за деревьями. Затем его лицо исказилось.

— Это она! — И он мгновенно исчез в лесу. Я повернулся и увидел тень, отделившуюся от ближайшего ствола.

Мои руки были наготове — схватить, смять, ударить. Она приближалась, двигаясь при этом совершенно неестественно. Слишком подвижно, слишком быстро. Когда между нами оставалось всего несколько футов, смутная фигура превратилась в изящную темноволосую женщину и замедлила шаг. Ее лицо было гладким, но я не мог опре-

делить возраст. Взгляд черных глаз, в котором читалась вековая мудрость, таил в себе нечто непостижимое.

— Здравствуй, Элиас Витуриус. — В голосе звучал странный акцент, как будто она не привыкла говорить на серранском. — Я — Ловец Душ. Рада наконец-то встретиться с тобой. Я некоторое время за тобой наблюдала.

Верно.

— Мне нужно выбраться отсюда.

— Тебе нравится причинять боль? — спросила она тихо. — Доставлять страдания? Я вижу это. — Она обвела взглядом мои плечи и голову. — Ты несешь это с собой. Зачем? Это приносит тебе счастье?

— Нет. — Я ужаснулся от одной мысли. — Я не намеренно... я не хочу причинять боль людям.

— Да, ты сгубил всех, кто был тебе близок. Твои друзья. Твой дед. Элен Аквила. Ты всем принес страдания. — Она выдержала паузу, чтобы страшная правда ее слов глубже проникла в мое сознание. — Обычно я не слежу за теми, кто еще по ту сторону, — снова заговорила она, — но ты другой.

— Я не должен здесь находиться, — сказал я. — Я не умер.

Она долго смотрела на меня, склонив голову набок, словно любопытная птица.

— Но ты умер, — возразила она. — Просто ты этого еще не знаешь.

* * *

Внезапно я открыл глаза и увидел затянутое облаками небо. Была середина утра. Я привалился к спине Лайи, уронив голову ей на плечо. Мимо нас проносились невысокие холмы, время от времени встречались хлебные деревья и шары перекати-поля. Лошадь скакала рысью на юго-восток, в сторону Разбойничьего Привала. Почувствовав, что я зашевелился, Лайя обернулась.

— Элиас! — Она притормозила лошадь. — Ты несколько часов был без сознания. Я... я думала, ты вообще не очнешься.

— Не останавливай лошадь. — У меня совсем не осталось сил, которые я чувствовал в себе во время галлюцинаций, но я все равно заставил себя сесть прямо. Голова шла кругом, язык во рту отяжелел. «Крепись, Элиас, — сказал я себе. — Не дай Ловцу Душ утянуть тебя обратно». — Надо ехать дальше... солдаты...

— Мы скакали всю ночь. Я видела солдат, но они были слишком далеко и направлялись на юг.

Под глазами у Лайи залегли тени, руки дрожали. Она совсем выбилась из сил. Я взял у нее поводья, и она привалилась ко мне, прикрыв веки.

— Где ты был, Элиас? Ты помнишь? Потому что те обмороки, что я видела прежде, длились всего несколько минут, самое большее — час. Но ты был без сознания гораздо дольше.

— В странном месте. В ле... лесу.

— Даже не думай отключиться снова, Элиас Витурус. — Лайя повернулась и потрясла меня за плечи. Я распахнул глаза. — Мне без тебя ничего не сделать. Посмотри на горизонт. Что ты видишь?

Я заставил себя посмотреть вверх.

— Т-тучи. Скоро начнется гроза. Нам нужно укрытие.

Лайя кивнула:

— Я почувствовала ее запах. Грозы. — Она оглянулась. — Этот запах напоминает мне тебя.

Я попытался понять, комплимент ли это, но оставил эту затею. Тысяча чертей, как же я устал.

— Элиас. — Она коснулась моего лица и заставила посмотреть прямо в глаза, золотистые, гипнотические, как у львицы. — Останься со мной. У тебя был молочный брат, расскажи мне о нем.

Голоса уже звали меня. Место Ожидания, вцепившись когтями, затягивало назад.

— Шэн, — выдохнул я. — Его... его имя Шэн. Важный такой, как и мама Рила. Ему девятнадцать, на год меня младше. — Я нес всякий вздор, пытаюсь вырваться из холодной цепкой хватки Места Ожидания. Пока я говорил,

Лайя сунула мне в руки фляжку и заставила выпить воды.

— Держись, — повторяла она, и я цеплялся за это слово, как за спасительную соломинку. — Не уходи. Ты мне нужен.

Спустя несколько часов разразилась гроза. Ехать верхом стало трудно, но дождь взбодрил меня. Я направил коня в ущелье, заваленное валунами. Стихия разыгралась — дальше нескольких футов ничего было не разглядеть. Но и солдаты Империи, выходит, были так же ослеплены.

Спешившись, я занялся лошадью, но руки не слушались, и пришлось провозиться несколько долгих минут. Я почувствовал, как меня охватывает незнакомый страх, но подавил его. *Ты будешь бороться с ядом, Элиас. Если бы тебе суждено было умереть от него, то ты бы уже умер.*

— Элиас? — Лайя выглядела обеспокоенной. Стоя рядом со мной, она натягивала брезент между двумя валунами. Когда я закончил, она усадила меня под навесом.

— Она сказала мне, что я причиняю людям боль, — выдал вдруг я, когда мы сели, прижавшись друг к другу. — Приношу им страдания.

— Кто тебе это сказал?

— Я и тебе причину боль, — продолжил я. — Я всем делаю больно.

— Прекрати, Элиас. — Лайя взяла меня за руки. — Мне ты не причинял боли, поэтому я тебя освободила. — Она на миг замолчала. Дождь окружал нас прохладной завесой. — Постарайся продержаться, Элиас. Ты так долго оставался без сознания в последний раз, а мне нужно, чтобы ты был со мной.

Мы сидели так близко, что я видел впадинку на ее нижней губе. Локон выбился из пучка и, струясь, спускался по золотистой шее. Я бы многое отдал, чтобы оказаться с Лайей вот так наедине, совсем близко, но при других обстоятельствах. Чтобы не было всего этого: отравления, погони, ран, обмороков, призраков.

— Расскажи мне еще историю, — попросила она. — Я слышала, пятикурсники видели южные острова. Там красиво?

Я кивнул, но она продолжала расспрашивать:

— На что они похожи? Вода там чистая?

— Вода там голубая. — Я пытался совладать с собственным голосом и говорить отчетливо, потому что Лайя права: мне нужно продержаться, нужно добраться до Разбойничьего Привала, нужно раздобыть теллис. — Но не... не синяя. В ней тысяча оттенков голубого. И зеленого. Как будто... будто кто-то превратил глаза Элен в океан.

Меня охватила дрожь. *Нет... только не это.* Лайя взяла мои щеки в ладони. Ее прикосновение вызвало прилив желаний.

— Останься со мной, — попросила она. Ее пальцы казались такими холодными, прикасаясь к разгоряченной коже. Молния рассекла небо и осветила ее лицо. В этой вспышке золотистые глаза Лайи выглядели темными, и от нее самой будто повеяло чем-то потусторонним. — Расскажи мне еще о каком-нибудь воспоминании. О чем-нибудь хорошем.

— Ты, — пробормотал я. — Когда я впервые... впервые увидел тебя. Ты красивая, но на свете полно красивых девушек, и... — *Подбери нужное слово. Заставь себя продержаться.* — Но не этим ты выделялась. Ты как я...

— Останься со мной, Элиас. Останься здесь.

Губы не слушались. Все ближе и ближе подбиралась мгла.

— Я не могу остаться...

— Пытайся, Элиас. Пытайся!

Ее голос стих. Мир погрузился во тьму.

* * *

На этот раз, оказавшись в лесу, я обнаружил, что сижу на земле и греюсь у костра. Ловец Душ сидела напротив меня, терпеливо подкладывая поленья в огонь.

— Плач умерших тебя не беспокоит, — изрекла она.

— Я отвечу на твои вопросы, если ты ответишь на мои, — сказал я. Она кивнула, и я продолжил: — Это не похоже на плач, скорее на шепот.

Я ожидал ответа, но она промолчала.

— Моя очередь. Мои приступы — они не должны длиться по несколько часов. Это твоих рук дело? Ты держишь меня здесь?

— Я уже сказала, что наблюдала за тобой. Я искала возможности поговорить.

— Отпусти меня назад.

— Скоро отпущу, — пообещала она. — У тебя еще есть вопросы?

Во мне вспыхнуло раздражение, захотелось закричать на нее, но мне были необходимы ответы.

— Что ты имела в виду, когда сказала, что я умер? Я знаю, что это не так. Я жив.

— Ненадолго.

— Ты видишь будущее, как Пророки?

Она вскинула голову, и с ее губ сорвался дикий нечеловеческий рык.

— Не упоминай здесь об этих существах, — произнесла она. — Это священное место, где мертвые обретают покой. А Пророков прокляла сама смерть. — Она откинулась назад. — Я — Ловец Душ, Элиас. Я имею дело с мертвыми. А тебя пометила смерть. — Она похлопала меня по руке в том месте, где Комендант порезала меня звездой.

— Но яд не убил меня, — возразил я. — И если мы с Лайей раздобудем экстракт теллиса, то и приступы закончатся.

— Лайя, девушка-книжница. Еще один уголек, который готов сжечь этот мир, — сказала она. — Ты и ей причинишь боль?

— Никогда.

Ловец Душ покачала головой:

— Ты влюбился в нее. Неужели ты не видишь, что делаешь? Комендант отравила тебя. И ты сам, в свою очередь, несешь в себе яд. Ты отравишь жизнь Лайи, ее радости, ее надежды, как поступал со всеми остальными. Если она тебе дорога, то не позволяй ей привязываться к тебе. От тебя нет антидота, как и от яда, что убивает тебя.

— Я не собираюсь умирать.

— Одним лишь желанием судьбу не изменить, Элиас. Подумай об этом, и все поймешь. — Печально улыбаясь, она ворошила костер. — Возможно, я снова позову тебя сюда. У меня много вопросов...

Я вернулся в мир живых, дернувшись так резко, что больно клецнул зубами. Ночь была окутана туманом. Видимо, я пробыл без сознания несколько часов. Лошадь упрямо двигалась вперед, но я чувствовал, что ноги ее дрожали. Вскоре нам понадобится сделать остановку.

Лайя правила лошадью и не обращала внимания на то, что я очнулся. Мне не хватало той ясности мысли, что я ощущал, когда находился в Месте Ожидания, но слова Ловца Душ помнил прекрасно. *Подумай об этом, и все поймешь.*

Я перебрал в уме все яды, о которых знаю, кляня себя за то, что не слишком усердно занимался у центурионов Блэклифа, которые натаскивали нас по токсинам. Мортроза. О нем упоминали лишь вскользь, потому что в Империи он запрещен, даже маскам. Этот яд объявили вне закона столетие назад, после того как с его помощью пытались убить Императора. Исход всегда один — смерть. В больших дозах убивает быстро, в малых — единственными симптомами являются тяжелые обмороки. Ими мучаются, как я помнил, от трех до шести месяцев, затем умирают. И нет никакого лекарства. Никакого антидота.

Наконец я понял, почему Комендант позволила нам сбежать из Серры, почему не потрудилась перерезать мне горло. Просто ей это было ни к чему. Потому что она уже меня убила.

8: Элен

— Шесть сломанных ребер, двадцать восемь рваных ран, тринадцать трещин, четыре разрыва сухожилий и отбитые почки.

Утреннее солнце лилось в окно моей детской спальни, играя бликами на светлых волосах матери. Я смотрела на нее, сидя перед роскошным серебряным зеркалом, пока она зачитывала заключение врача. Это зеркало она мне подарила, когда я была еще девочкой. Отец привез его с далекого южного острова, который славился зеркалами с такой вот безупречно гладкой поверхностью.

Я не должна здесь находиться. Я должна быть в казарме Черной Гвардии, готовиться к встрече с Маркусом Фарраром, до которой осталось меньше часа. Однако я сидела среди шелковых ковров и бледно-лиловых портьер особняка Аквилла с матерью и сестрами, и те ухаживали за мной, взяв на себя обязанности военного врача. «Тебя допрашивали целых пять дней, они очень переживали, — настаивал отец. — Они хотят тебя видеть». И я не смогла ему отказать.

— Тринадцать трещин — это ерунда, — сказала я шипло.

Во время допроса я старалась не кричать, но порой не могла сдержаться, и теперь горло здорово саднило. Мама зашивала мне рану, и сейчас она завязывала нить, а я изо всех сил пыталась не морщиться.

— Она права, мама, — согласилась Ливия, мрачно мне улыбнувшись. Ей восемнадцать, и она — самая младшая в семье Аквилла. — Могло быть и хуже. Они могли обрезать ей волосы.

Я фыркнула — смеяться было очень больно. Даже мама, накладывавшая мазь на одну из ран, улыбнулась. Только Ханна стояла с каменным лицом. Я взглянула на нее, и она отвела глаза, стиснув челюсти. Моя средняя сестра, похоже, вечно будет меня ненавидеть. Хотя после того, как я наставила на нее клинок, она, во всяком случае, научилась прятать свою ненависть.

— Это все твоя вина, — тихо произнесла Ханна. Голос ее источал яд. Этого я и ожидала. Я даже удивилась, что она так долго терпела. — Отвратительно, что им пришлось пытаться тебя, чтобы получить сведения об этом... чудовище. — Она так об Элиасе. Но я благодарна, что она не произнесла его имени. — Ты сама должна была сдать его им...

— Ханна! — одернула ее мама. Ливия выпрямила спину и сурово взглянула на сестру.

— Моя подруга Аэлия должна была через неделю выйти замуж, — продолжила Ханна. — Ее жених мертв из-за твоего друга. А ты отказалась помочь в поисках.

— Я не знаю, где он...

— Лгунья! — Голос Ханны дрожал от злости, копившейся долгие годы.

Четырнадцать последних лет мое обучение в Академии считалось самым главным, чем бы она или Ливия ни занимались. Четырнадцать лет мой отец беспокоился обо мне больше, чем о других дочерях. Ее ненависть давно стала привычной, но жалила от этого ничуть не меньше. Она видела во мне лишь соперницу. А я видела в ней сестру со светлыми локонами и широко раскрытыми глазами, сестру, которая когда-то была моей лучшей подругой.

По крайней мере, до Блэклифа.

«Не обращай на нее внимания», — сказала я себе. Я не перенесу, если во время встречи со Змеем ее обвинения будут звенеть у меня в ушах.

— Ты должна была остаться в тюрьме, — не унималась Ханна. — Ты не заслужила, чтобы отец ходил к Императору и просил его... умолял на коленях.

Проклятье, отец. Нет. Он не должен был так унижаться — во всяком случае, ради меня.

Я опустила глаза, глядя на руки, и почувствовала, как с подступившими слезами накатывает ярость. Проклятье, мне вот-вот предстоит встретиться лицом к лицу с Маркусом. У меня нет времени терзаться виной и лить слезы.

— Ханна. — В голосе матери зазвучали стальные нотки, что совсем не вязалось с ее обычно мягкими манерами. — Выйди.

Сестра развернулась и вышла, с вызовом вздернув подбородок, как будто сама решила уйти. *Ты бы стала отличным маской, сестрица.*

— Ливи, — спустя минуту сказала мама. — Пойди убедись, что она не срывает злость на рабах.

— Наверное, уже поздно, — пробормотала Ливи, выходя из спальни.

Когда я попыталась встать, мама положила руку мне на плечо и с неожиданной силой усадила обратно. Она смазала жгучей мазью жуткую глубокую рану на голове. Холодные пальцы повернули мое лицо в одну сторону, затем в другую. В ее глазах отражалась моя собственная грусть.

— Ах, моя девочка, — прошептала она. Внезапно я почувствовала себя такой слабой, что захотелось упасть в ее объятия и навсегда укрыться в них от невзгод.

Но вместо этого я отодвинула ее руки.

— Хватит.

Пусть уж лучше она считает меня нетерпеливой, чем слишком мягкой. Я не могу показать ей, как я надломлена. Я никому не могу этого показать. Особенно сейчас, когда сила духа — это единственное, что есть в моем арсенале, а до встречи с Маркусом остались считанные минуты.

«У меня для тебя задание», — сказал он. Что он заставит меня сделать? Подавить революцию? Наказать книжников за восстание? *Слишком просто.* Гадкие мысли полезли в голову. Я постаралась отогнать их.

Рядом вздохнула мама. У нее в глазах стояли слезы, и я напряглась. Я утешаю плачущих не лучше, чем умею проявлять свою любовь. Но она сдержалась, не пролив и слезинки — ей пришлось этому научиться, как матери маски. Она достала мои доспехи и, ни слова не говоря, помогла мне их надеть.

— Кровавый Сорокопут. — Спустя несколько минут в дверях появился отец. — Пора.

* * *

Император Маркус поселился в особняке Витуриа.

В доме Элиаса.

— Вне всякого сомнения, по настоянию Коменданта, — сказал отец, когда охранники, облаченные в цвета Витуриа, открыли нам ворота. — Она хочет держать его под боком.

Лучше бы он обосновался где-нибудь в другом месте. Воспоминания терзали меня, пока мы проходили через двор. Повсюду так сильно чувствовалось присутствие Элиаса, что казалось — если я поверну голову, то всего в нескольких дюймах увижу его, с расправленными с небрежным изяществом плечами, с легкой усмешкой на губах.

Но, конечно же, здесь нет ни Элиаса, ни его деда, Квина. Десятки солдат клана Витуриа охраняли стены и крыши поместья. Гордость и надменность, бывшие отличительной чертой Витуриа при Квине, исчезли. Теперь повсюду сквозил затаенный угрюмый страх. В одном углу двора возвели плаху для порки, вокруг которой на булыжниках виднелись брызги свежей крови.

Я гадала, где сейчас Квин. Надеялась, что он в безопасности. Когда я помогала ему бежать в пустыню, на север от Серры, он предупредил меня: «Будь начеку, девочка. Ты сильная, и за это она убьет тебя. Не сразу, поскольку твоя семья слишком влиятельна. Но она придумает способ». Мне и спрашивать не надо было, о ком он говорил.

Мы с отцом вошли в дом. Здесь, в вестибюле, Элиас приветствовал меня после нашего выпуска. По мраморной лестнице мы взбегали детьми. Вот гостиная, где Квин принимал гостей, а в конце — буфетная, откуда мы с Элиасом за ним шпионили.

Но когда нас с отцом проводили в библиотеку Квина, мне уже удалось совладать со своими чувствами. И без того ужасно, что Маркус, как Император, может мне приказывать что угодно. Так что я не должна показывать ему свою тоску по Элиасу, иначе он использует эту слабость в своих целях, уж я-то знаю.

Ты — маска, Аквилла. Вот и веди себя как маска.

— Кровавый Сорокопут. — Маркус поднял глаза. Моя должность в его устах звучала как оскорбление. — Отец Аквиллус. Добро пожаловать.

Когда мы вошли, я не знала, чего ожидать. Может, того, что Маркус будет сидеть, развалившись среди целого гарема избитых женщин.

Но он оказался при полном военном обмундировании. Его плащ и оружие были забрызганы кровью. Конечно, он всегда любил кровопролитие и ярость битвы.

Два солдата клана Витуриа заняли пост у окна. Рядом с Маркусом стояла Комендант, что-то показывая на карте, разложенной перед ним на столе. Она наклонилась вперед, и я заметила под униформой полоску серебра.

Сука носила рубашку, которую у меня украла.

Комендант кивнула нам в знак приветствия и продолжила разговор:

— Как я и говорила, Ваше Величество, Надзиратель Сиселиус из Кауфа, вероятно, с этим связан. Он был кузеном старого Сорокопута и делился с ним секретами, которые выбивал из заключенных во время допросов. Так Сорокопут и пресекал любое инакомыслие.

— Я не могу искать твоего сына-предателя, бороться с восстанием крыс, усмирять патрициев, отражать пограничные налеты и мериться силами с одним из самых влиятельных людей Империи, Комендант. — Маркус уже вовсю сжился с ролью правителя, как будто только этого и ждал. — Ты знаешь, сколько секретов известно Надзирателю? Ему хватит нескольких слов, чтобы поднять целую армию. Пока не разберемся с остальными делами Империи, мы оставим Надзирателя на месте. Вы свободны, Отец Аквилла, — Маркус посмотрел на моего отца. — Ступайте с Комендантом. Она обговорит с вами детали нашего... соглашения.

Соглашение. Условие моего освобождения. Отец до сих пор не сказал мне, что это за условия. Но сейчас я не могла спросить его об этом. Отец прошел за Комендантом, а следом и оба солдата Витуриа.